

ВАДИМ ПАНОВ

И В АДУ
ЕСТЬ
ГЕРОИ

ЭКСМО

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Вадим Юрьевич Панов
И в аду есть герои
Серия «Тайный Город», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119720

Эксмо;
ISBN 978-5-699-14427-3

Аннотация

Новый синтетический наркотик «стим» оказался способен порождать чудовищ не только в воспаленном мозгу наркоманов. Благодаря «стиму» пришел в этот мир верный слуга Великого Господина. Пришел, чтобы возродить посеянные тысячелетия назад семена Ненависти. И снова, как уже случилось в далеком прошлом, смертельная опасность заставила нынешних хозяев Земли – людей объединиться с потомками древних магов, правившими планетой в доисторические времена. С жителями Тайного Города...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	67
Глава 3	141
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Вадим Панов

И в аду есть герои

Пролог

*Москва, ВНИИПВВЧ при АН СССР
1989 год*

– Сколько раз он уже сделал это? – зачарованно спросил Монастырев.

– Не считал, – честно признался ассистент, – точнее, сбился. Но он не слезает с турника тридцать минут.

– Невероятно.

Они сидели за столом перед огромным, во всю стену окном, открывающим вид на большой зал. Штанги, тренажеры, внушительных размеров гантели, гири – в зале было собрано «железо», которому позавидовал бы любой спортивный клуб, а в центре возвышался турник, на котором сноровисто подтягивался среднего роста, голый по пояс мужчина, щедро расписанный синими уголовными татуировками. Его телосложение никак не соответствовало понятию «атлет».

– Показатели? – тихо, словно подопытный мог услышать через плотное стекло, поинтересовался Монастырев.

Датчики были закреплены на теле уголовника и тонкие провода шли на расставленные в зале приборы. Ассистент

бросил взгляд на самописцы:

– Он едва начал уставать.

– Невероятно, – повторил Монастырев. – Когда был сделан последний укол «ратника»?

– В субботу.

– Два дня назад! И эффект наблюдается до сих пор!

– Это прорыв, Геннадий Прокопьевич. – Ассистент восхищенно посмотрел на Монастырева. – Это гениальное достижение! Это...

– Это только начало, – прошептал Монастырев, – это только начало.

Уголовник продолжал подтягиваться с равномерной неторопливостью механического поршня. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх... Его лицо, невидимое наблюдателям, было угрюмо, а по низкому лбу медленно стекала первая струйка пота.

– Ну, и на какой стадии разработок мы сейчас находимся, любезнейший Геннадий Прокопьевич? – Горелик, толстый, рано облысевший заведующий лабораторией, вальяжно развалился в кресле, неподвижно уставившись на подчиненного круглыми навывкате глазами.

– Я... то есть мы сейчас как раз проходим третий этап испытаний, – сбивчиво сообщил Монастырев. – Подопытные,

как вы, Савелий Исаакович, знаете, принимают препарат в течение трех недель и утвержденный план-график предполагает...

– Знаю, знаю, – зевнул Горелик. – Третий этап включает шесть недель непрерывного приема препарата и еще шесть недель наблюдений.

– Да, – облегченно выдохнул Монастырев.

Невысокий, хрупкий, с невыразительным лицом, главным украшением которого были, несмотря на возраст, юношеские прыщи, Геннадий Прокопьевич производил впечатление задерганного клерка, непрерывно ожидающего очередной головомойки. За что? Да ни за что, потому что подвернулся. Каждый вызов к начальству был для Монастырева психологическим шоком и Савелий Исаакович прекрасно об этом знал.

Скромный в быту, замкнутый, одинокий Монастырев не интересовался ничем, кроме науки и вполне мог стать светилом, если бы не врожденная неуверенность в общении с людьми. Геннадий Прокопьевич панически боялся публичных выступлений, был патологически не способен отстоять в споре свою точку зрения, не обладал той долей здоровой наглости, которая необходима для продвижения любых, даже самых замечательных идей. Именно поэтому при всем своем таланте Монастырев до сих пор служил доцентом на мелкой должности заведующего сектором лаборатории в закрытом НИИ, обслуживающем интересы имперской армии.

– Проект «Ратник», – с хорошо отрепетированной «научной» задумчивостью произнес Горелик. – Каковы последние результаты?

Завлаб только вернулся с симпозиума в Варне, был весел, загорел и жаждал досконально разобраться в поднадзорном учреждении, «окунуться», так сказать, в научные изыскания.

– Результаты замечательные, – занервничал Монастырев. – Потрясающие перспективы! Через неделю после начала приема, у подопытных вдвое сократилось время сна! При этом их работоспособность повысилась в три раза! Наблюдается резкое увеличение по таким показателям...

– В первую очередь заказчиков интересует изменение физических возможностей, – веско заметил Горелик. – Последние события, в частности война в Афганистане, наглядно продемонстрировали, что Советская армия крайне нуждается в высококачественном и не вызывающем привыкания стимуляторе.

– Он у нас будет, Савелий Исаакович, будет! Проект «Ратник» – это будущее фармакологии! Под действием нашего препарата мышечная активность подопытных поразительно возросла! Сейчас они с легкостью справляются с нагрузками, которые раньше воспринимали как невозможные!

– Очень хорошо, – с прежней «задумчивостью» протянул заведующий лабораторией, – очень хорошо. Но первая неудача...

– Это в прошлом, – испуганно пролепетал Монастырев. –

Мы же обсуждали это, Савелий Исаакович! Первая разработка «ратника» была слишком грубой, отнимала у клеток слишком много энергии. Именно этот факт и приводил к преждевременному старению. Клянусь, мы учли ошибки!

– Надеюсь, – буркнул Горелик.

С первыми испытаниями «ратника» возникли серьезные неприятности: через неделю после начала ежедневных уколов двадцать отборных парней из спортроты военного округа превратились в трясущихся стариков, с мышечной атрофией и стремительно деградирующей нервной системой. Начиналось все тоже замечательно: повышение активности, уменьшение времени сна, выносливость, работоспособность, а закончилось двадцатью трупами. Скандал удалось замять с большим трудом, но тему сохранили – слишком хорошими оказались результаты первичных испытаний «ратника». Фармакологам вынесли устное предупреждение и велели добиться результатов. Правда, наученные горьким опытом военные отказались предоставить для следующих испытаний «комсомольцев-добровольцев», пришлось довольствоваться уголовниками, но это даже к лучшему: в осужденных разрешалось вкалывать все, что угодно, и в каких угодно количествах.

«А хорошо, что хмырь до сих пор боится, – подумал Горелик, глядя на поникшего Монастырева. – Хорошо, что он понимает, кому обязан своим благополучием».

Проект «Ратник» Савелий Исаакович спасал не только

для того, чтобы удержать при себе теплое кресло заведующего лабораторией и членство в передовом отряде строителей коммунистического завтра – для спасения было достаточно отдать на растерзание провинившегося завсектором. На самом деле Горелик интуитивно, по-звериному чувствовал, что скромный Монастырев оказался на пороге выдающегося открытия и вцепился в него мертвой хваткой. Увы, сам Савелий Исаакович в фармакологии разбирался поверхностно, «красный» институтский диплом получил благодаря сидению в комитете комсомола, кандидатскую писал в соавторстве, воспользовавшись своим сидением в другом комитете – партийном, а докторскую собирался вытянуть с помощью незадачливого завсектором.

«А может быть, и Нобелевскую...»

– Не мне вам рассказывать, любезнейший Геннадий Прокопьевич, о том сложнейшем международном положении, в котором оказалась наша страна. – Завлаб поучительно выставил вверх палец. – В эти трудные времена от нас с вами, да-да, любезнейший Геннадий Прокопьевич, это не высокие слова, от нас с вами зависит судьба Родины...

Монастырев тоскливо посмотрел в окно. Обуздать вошедшего в раж Горелика не представлялось возможным. Савелий Исаакович умел говорить ни о чем часами, плавно переходя от международного положения империи к производственным показателям вверенной ему лаборатории и обратно, ловко увязывая глобальные политические тенденции

с планами-графиками, своевременной уплатой партийных взносов и участием в институтской самодеятельности. Таких болтливых скотов в их «научном» институте было больше, чем тараканов на коммунальной кухне.

– Каждый честный советский человек обязан ударным трудом подтвердить свое высокое звание строителя коммунистического общества...

Геннадий Прокопьевич закусил губу – разошедшийся Горелик затронул очень чувствительный для Монастырева вопрос. В последнее время скромный заведующий сектором, никогда не интересовавшийся ничем, кроме науки, с ужасом наблюдал за проходящими в стране митингами, с тоской читал «демократические» публикации, охаивающие все достижения империи и с неподдельным страхом ждал, чем закончится «пиршество духа». Современность безжалостно перечеркивала его жизнь, цинично посмеивалась над внедренными в сознание идеалами, грубо выбивая из-под ног привычную, твердую почву.

– Надеюсь, любезнейший Геннадий Прокопьевич, вы, как коммунист, как советский человек, понимаете сложность момента?

Отвлечшийся на собственные чувства Монастырев пару секунд тупо смотрел на Горелика, пытаясь осознать вопрос, а затем послушно кивнул:

– Конечно, Савелий Исаакович.

– Тогда идите, – царственно взмахнул рукой Горелик. –

И еще. Занесите мне все материалы по проекту «Ратник». Я хотел бы более внимательно ознакомиться с результатами последних исследований.

– Конечно, Савелий Исаакович.

Выйдя из кабинета, Монастырев осторожно прикрыл за собой дверь, облегченно передохнул и тут же вздрогнул: громкий вой сирены наполнил пустой коридор института.

– Тревога! Тревога! Завсектором Монастыреву срочно прибыть на рабочее место!

– Что случилось? – Из кабинета вылетел Горелик.

– Нарушение режима безопасности! Завсектором Монастыреву срочно прибыть на рабочее место!

По коридору, на ходу расстегивая кобуру, бежал офицер внутренней охраны.

Глава 1

«Сегодня днем Общественный комитет «Народ против Остапчука» получил существенную поддержку: мэр Москвы заявил, что полностью разделяет позицию комитета и приложит все усилия для достижения заявленных им целей. Напомним, что Общественный комитет «Народ против Остапчука» добивается, чтобы, несмотря на объявленный Россией мораторий, в отношении Поволжского Людоеда была применена смертная казнь. На сегодняшний день комитетом собрано свыше шести миллионов подписей по всей стране, которые будут представлены Президенту...»
(«Известия»)

«Как отмечают наблюдатели, широкие торжества, посвященные двухсотлетию великого магистра Ордена Леонарда де Сент-Каре были в первую очередь призваны продемонстрировать Тайному Городу мощь Великого Дома Чудь, что в принципе, соответствует хвастливому характеру доблестных рыцарей. Приглашенных на церемонию в Замок особенно впечатлил парад гвардии, в котором приняла участие половина боевых магов Ордена, но который тем не менее...»
(«Тиградком»)

муниципальный жилой дом

Москва, улица Люсиновская, 29 июля, воскресенье,

22:31

Несмотря на прекрасно проведенный день, а может, как раз из-за этого сон не приходил.

Воскресенье прошло весело. С самого утра родители повели Настю в парк, позволили от души покататься на каруселях, накормили мороженым и закупили целую охапку разноцветных воздушных шаров. Затем, наскоро пообедав – даже не стали настаивать, чтобы Настя доела суп! – отправились на пляж и вернулись домой затемно. После ужина Настя посмотрела мультики, послушала очередную папину сказку – папа классно рассказывает сказки, гораздо лучше мамы, но только по воскресеньям, – уже почти заснула... Но сон не приходил.

Какое-то время Настя ворочалась, пытаясь удобнее устроиться под одеялом, но не помогло и в конце концов девочка решила, что надо сходить в туалет. Для этого ей не требовалось будить родителей: ведь она уже взрослая, целых шесть лет, и в этом сентябре пойдет в школу. Настя выбралась из кровати, набросила халатик – если мама увидит ее в одной ночной рубашке, то наверняка рассердится – и осторожно выглянула в коридор.

В квартире было тихо и темно, но не настолько, чтобы испугать взрослую девочку. Настя сделала несколько шагов к уборной и остановилась – дверь в спальню родителей была открыта. Они тоже не спят? Девочка заглянула в комнату.

Папа лежал на спине, подложив под голову руку, а в его правый бок упиралась голова мамы. Девочке уже доводилось видеть спящих родителей и картина, которую она увидела, ничем не отличалась от обычной. То же мерное дыхание, те же расслабленные тела... Вот только над кроватью нежно переливалось легкое, едва заметное, голубоватое сияние, словно кто-то рассыпал над головой родителей снежинки и подсветил их фонариком.

Сон пропал окончательно. Несколько секунд Настя удивленно смотрела на странные блестящие искорки, а затем медленно подошла к родительской кровати и прикоснулась рукой к ноге отца.

– Папа!

Ответом ей стало безмятежное похрапывание.

– Папа!

– Они спят.

Настя ойкнула, резко повернулась на голос и снова ойкнула, изо всех сил вцепившись в ногу отца.

В дверях спальни стоял высокий румяный старик с длинной, до пояса, седой бородой и в красном тулупе. На голове старика была отделанная мехом шапка, а в руке он держал позолоченный посох.

– Они спят, – повторил старик густым, но очень добродушным голосом. – Это я так сделал.

Настя была достаточно взрослой, чтобы понять, что перед ней стоит Дед Мороз. Тем не менее, догадку следовало проверить.

– Ты кто? – строго поинтересовалась девочка, не отпуская ногу отца.

– Дед Мороз, – не стал разочаровывать Настю гость.

– Сейчас лето, – подумав, сообщила девочка и недоверчиво прищурилась. – Что ты здесь делаешь?

– Летом я путешествую, – усмехнулся в усы Дед Мороз, – и ищу хороших девочек, которые зимой станут Снегурочками. Хочешь стать Снегурочкой?

– Я уже была Снегурочкой, – чуточку высокомерно ответила Настя. – Странно, что ты не помнишь. На елке в детском саду.

– Гм... – Дед Мороз смущенно кашлянул.

– Я знаю, почему ты этого не помнишь. – Девочка освоилась и спокойно взобралась на родительскую кровать. – Потому что в детском саду был не ты, а дядя Петя, наш дворник. Это он переоделся Дедом Морозом. А ты настоящий?

Слегка растерянный гость оглядел свой костюм и почесал в затылке:

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что настоящий, – решила девочка. – Потому что дядя Петя не умел вот такие искорки делать. – Она кив-

нула на голубое сияние. – Он только елку сумел включить, а она электрическая.

– Логично, – пробормотал настоящий Дед Мороз. – Я дядю Петю специально к вам послал... э-э... потому что... э-э... не успевал...

– Мы не обиделись, – великодушно махнула рукой Настя. – Нам все равно было весело.

– Рад, что все э-э... так хорошо получилось, – выдохнул Дед Мороз и зачем-то посмотрел на часы.

В спальне вновь воцарилась тишина, украшенная дыханием и похрапыванием спящих родителей. Девочка, запрокинув белокурую голову, любовалась сиянием, а Дед Мороз переминался.

– Зачем ты приехал? – спросила Настя.

– Я... – Дед Мороз опомнился. – Я... э-э... путешествую и иногда катаю послушных детей на своей сказочной повозке. Ты была послушным ребенком?

– А повозка действительно сказочная?

– Самая настоящая, – подтвердил Дед Мороз и снова бросил взгляд на часы. – Посмотри в окно.

Настя спрыгнула с кровати, подбежала к окну, отдернула штору и восхищенно замерла: прямо за стеклом в воздухе висела расписная повозка, запряженная шестеркой белых оленей.

– Ух ты! – не удержалась девочка. – А почему она не падает?

Что такое восьмой этаж, ребенок понимал хорошо.

– Потому что я – Дед Мороз. – Ночной гость протянул

Насте руку. – Хочешь покататься со мной?

Девочка кивнула.

* * *

институт им. Сербского

Москва, Кропоткинский переулок, 29 июля, воскресенье, 22:32

– Остапчук! – Надзиратель неприязненно смотрел в маленькое зарешеченное окошко. – Заключенный Остапчук, встать в центр камеры!

Тишина.

– Остапчук...

– Убью, сука!!!

Оскаленная морда арестанта резко вынырнула снизу. В лицо надзирателю ударило смрадное дыхание, брызнула слюна, перед глазами мелькнули крупные желтые зубы.

– Убью!!!

Когда-то давно, когда Василий Румянцев только пришел на службу, подобные фокусы заставляли его отскакивать от дверцы и выводили из себя. Теперь привык. И даже то, что кривлялся перед ним настоящий зверь, не заставляло пульс надзирателя биться чаще. Работа есть работа.

– Остапчук, встать в центр камеры!

Мы поедem, мы помчимся,
На коленях утром ранним...

Зaключенный, брызгая слюной и отчаянно перевирая слова, пустился в пляс. Несколько мгновений надзиратель наблюдал за разгулявшимся Остапчуком, затем с силой захлопнул окошко и злобно сплюнул на пол.

За восемь лет в институте Сербского Румянцев повидал всякого. Помнил он и хладнокровных убийц, на счету которых были десятки трупов, и педофилов-насильников, тоскливо завывающих среди бездушных серых стен, но кривляющийся в одиночной камере маньяк вызывал у Румянцева настоящую ненависть.

Как и у всей страны.

Емельян Грицаевич Остапчук, Поволжский Людоед. Почти год двуногий зверь наводил ужас на жителей и больших, и малых городов от Астрахани до Нижнего. Почти год продолжались безумные оргии, каннибальские пиршества, кровь которых бурным потоком вливалась в волжские воды. Десятки растерзанных детей, жестокое убийство собственных родителей, несколько случайных жертв. Остапчук с каждым месяцем убивал все больше и больше, но звериная хитрость позволяла ему избегать ловушек. Его взяли два месяца назад в Самаре, и вся страна недоумевала, почему полицейские не пристрелили маньяка при задержании. Неделю

Остапчук охотно позировал перед телекамерами, с улыбкой рассказывая о своих жертвах и показывая места еще неизвестных захоронений, а затем, опомнившись, начал изображать сумасшедшего. И его привезли в Москву для психиатрической экспертизы.

«Неужели выкрутится, гнида? – Из-за железных дверей донеслись вопли маньяка. – Неужели его в психушку определяют?»

Несмотря на свою должность, а может, наоборот, благодаря ей Румянцев хорошо разбирался в том, что такое права человека, что такое ценность жизни, ценность свободы. Но считать Остапчука человеком надзиратель не мог. Не мог, и все. И то, что Поволжский Людоед до сих пор жив, считал подлой гримасой демократии.

Василий опять сплюнул, растер сапогом плевков и направился к следующей камере.

– Ушел, падла? – Остапчук прислушался к шагам надзирателя и улыбнулся.

Ушел.

«Боится, потому и ушел. Меня все боятся! И будут бояться!!!»

Очень не хотелось отпускать надзирателя живым, но добраться до его горла через железную дверь не представля-

лось возможным. А в камеру надзиратели входили минимум вчетвером.

«Боятся!»

– Добрый вечер.

Поволжский Людоед резко обернулся и не удержался от удивленного крика. Посреди камеры стоял очень высокий черноволосый мужчина в элегантном белом костюме. Бело-снежная сорочка, дорогой, ручной работы галстук, светлые туфли... Он был настолько чужд тюремному пейзажу, что казался призраком.

«Привидение! – Остапчук почувствовал, что у него подкосились ноги. – Привидение! Кто еще здесь может оказаться?»

Маньяк тихонько завыл. Мужчина поморщился:

– Емельян Грицаевич, не надо так пугаться. У меня к вам дело.

– И... изыди. – Подбородок Поволжского Людоеда дрожал.

– Вы еще перекреститесь, – буркнул черноволосый.

Не обращая внимания на трясущегося убийцу, он подошел к дверям камеры и деловито прислушался.

– Надзиратель закончит обход нашего крыла минут через двадцать. После этого он отправится на пост и будет пить чай. В любом случае, Емельян Грицаевич, у нас есть не менее полутора часов, в течение которых вас никто не хватится.

– Зачем... – Остапчук слегка успокоился. – Зачем ты это

говоришь?

– Разве вы не хотите выйти на волю?

Секунду маньяк обдумывал щедрое предложение черно-волосого, затем облизнул губы:

– Подстава?

– Никаких провокаций, Емельян Грицаевич, – улыбнулся гость. – Мы на самом деле крайне заинтересованы в сотрудничестве с вами, и я могу вывести вас из этого гм... заведения.

Остапчуку очень хотелось верить этому странному, щегольски одетому франту с повадками аристократа.

«На полицейского не похож. Тогда кто? ФСБ?»

– Ты кто?

– Неважно, – легко взмахнул рукой черноволосый и перед глазами маньяка мелькнул крупный черный бриллиант на запонке.

Одновременно с этим жестом приоткрылась массивная дверь камеры.

Черноволосый улыбнулся:

– Вы идете?

* * *

Москва, улица Пяловская, 29 июля, воскресенье, 23:23

Несмотря на то что опустившаяся на город ночь была необычайно теплой и ласковая темнота, изредка прорезыва-

емая фонарным светом, манила в свои объятия потаенной романтикой, людей на улице практически не было. Поздний воскресный вечер не располагал к гуляниям. Изредка проезжали автомобили, стучали торопливые шаги и хлопали двери подъездов, откуда-то издали доносился приглушенный шум молодежного веселья, но большая часть жителей предпочитала находиться дома, в постели, стараясь отоспаться перед наступлением новой трудовой недели.

Воскресная Москва. Добродушная, расслабленная, дремотная. И неудивительно, что никто из обитателей окрестных домов не обратил никакого внимания на черный микроавтобус, скромно стоящий у спрятавшейся среди многочисленных тополей электроподстанции. У обычной электроподстанции, с серыми металлическими дверями, надписью «Осторожно, высокое напряжение» и белыми стенами, которые местные подростки бездумно украсили дурацкими граффити во славу футбольных клубов.

Электроподстанция стояла во дворе всегда. Старожилы припоминали, что она появилась на Пяловской задолго до того, как возвели здесь муниципальные дома, хотя какая разница, что было первым – яйцо или курица? Главное, чтобы работала исправно. А о том, что своими размерами подстанция несколько превосходила подобные типовые постройки, никто и не задумывался.

– Куда вы меня привезли, суки? – Остапчук, сидящий на одном из мягких кресел в салоне микроавтобуса, беспокойно заерзал. – На нары хочу! Вези обратно!

– Емельян Грицаевич, прошу вас набраться терпения, – вежливо попросил черноволосый щеголь в белом костюме. – Мы должны провести здесь еще некоторое время, и поверьте, ваша выдержка будет вознаграждена по достоинству.

Щеголь разместился на переднем сиденье, причем его голова едва не упиралась в потолок микроавтобуса и до сих пор молчал, внимательно глядя на здание электроподстанции. А водитель и вовсе дремал, положив голову на руль. Самое странное, что никто из них абсолютно не интересовался поведением маньяка: дверь в салон микроавтобуса не закрыта на замок, а руки Остапчука не скованы. Казалось – беги. Но Поволжский Людоед успел оценить легкость, с которой странный щеголь вывел его из тщательно охраняемого института Сербского и решил не рисковать.

«Уроды! – Остапчук постепенно наливался злобой. – Истуканы проклятые! Сколько можно просто сидеть?»

Они даже не курили. А на просьбу дать сигарету Емельян получил корректный отказ, сопровождаемый просьбой «воздержаться на некоторое время от демонстрации этой вредной привычки».

«Идиоты!»

Остапчук откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, но тут же снова распахнул их – дверца микроавтобуса открылась и в салон, согнувшись почти пополам, проник еще один черноволосый мужчина в костюме. На его руках безмятежно спала белокурая девочка лет шести.

– Гы, – осклабился Остапчук. – Это для меня?

Пришелец молча закрыл за собой дверь, сел в ближайшее кресло и заботливо поправил на девочке сбившийся халатик.

– Все в порядке, Ортега? – поинтересовался щеголь.

– Да, комиссар.

– Замечательно.

Остапчук заерзал, не спуская глаз с девочки.

– Какая сладкая, маленькая... неужто и впрямь для меня?

Черноволосые молчали. Оба длинные, оба темноглазые, оба в дорогих костюмах. Только тот, который «комиссар» – в белом и чуть повыше, а этот, с девчонкой – в черном.

«Братья, что ли?» – Емельян покосился на переднее сиденье.

Щеголя маньяк побаивался, но запах ребенка сводил с ума.

– Ты, покажи мне девку! Сними с нее халат, я ведь два месяца взаперти!

Без ответа.

– Ну, я тебе говорю! Телку покажи!

Тот, кого комиссар назвал Ортегой, поднял на Остапчука

холодные черные глаза. Людоед слегка смутился. Ему приходилось видеть взгляды, переполненные и ненавистью, и страхом, и злобой, но то, что Емельян прочитал в сумрачных глазах длинного, было гораздо хуже. Полное отсутствие эмоций, никакой агрессии и в то же время – огромная сила, еще ленивая, но уже слегка раздраженная неумным поведением маньяка.

А еще Остапчук подумал, что в этих глазах очень мало человеческого. Можно сказать – совсем ничего человеческого.

– Чего пялишься?

Ортега продолжал молчать.

И смотреть.

– Чего пялишься, сказал! – В голосе Остапчука зазвучали панические нотки. Он был не в силах оторваться от пронзительно черных глаз. – Чего...

Тоскливый вой окутал салон микроавтобуса. Побелевший маньяк схватился за голову и вывалился из кресла. Из его ушей текла кровь.

– Не надо... не надо...

Рот скривился, глаза закатились, были видны лишь желтоватые, быстро наливающиеся кровью белки, казалось, еще чуть-чуть, и резко возросшее внутреннее давление взорвет голову маньяка.

– Ортега, хочу напомнить, что чел пока нужен, – бесстрастно произнес щеголь в белом.

– Конечно, комиссар, – буркнул черный костюм и отвел

от Остапчука взгляд. – Извините.

– Ничего страшного.

Девочка засопела и Ортега вновь поправил на ней халатик. Микроавтобус погрузился в тишину, изредка прерываемую негромкими стонами окровавленного, насмерть перепуганного Остапчука.

Возможно, жители Пяловской улицы гораздо внимательнее отнеслись бы к своей необычной электроподстанции, если бы среди них нашелся хоть один старожил, который помнил, что именно находилось на месте этой типовой коробки семьдесят-восемьдесят лет назад, до того, как деловитые бульдозеры начали вгрызаться в дегунинскую землю. Но таких старожил в районе, увы, не оказалось, и некому было вспомнить, что раньше на этом самом месте располагался большой каменный амбар, еще раньше – амбар деревянный, а еще раньше высился поросший бурьяном холм. И стоит ли говорить о том, что размеры амбаров и холма в точности совпадали с размером современной электроподстанции? Возможно, если бы люди были более внимательны, они сопоставили эти странные факты и попробовали, невзирая на надпись: «Осторожно, высокое напряжение», проникнуть наконец в расположенное в их дворе здание.

И были бы крайне удивлены.

Потому что в «электростанции» не было и намека на сложные, высоконапряженные устройства энергетических систем. Не было никогда, ибо за разрисованными стенами электростанции располагался Дегунинский Оракул – одно из древнейших строений Тайного Города. Старинный артефакт, созданный еще асурами, пришедшими на берега Москвы-реки много тысяч лет назад.

Внутреннее помещение «электростанции» представляло большой зал, пол которого покрывал великолепный ларнайский мрамор, черный, с прожилками из чистого золота, любимый камень асуров. Каменоломни, на которых добывали этот удивительный сорт мрамора, давно погрузились на дно океана, а он продолжал украшать зал, напоминая о былом величии создателей Оракула. Стены помещения были выложены плитами зеленой яшмы, а куполообразный потолок отделан нежно-голубым лазуритом, демонстрируя удачную попытку создать иллюзию небесного свода. В центре зала, на небольшом постаменте из того же мрамора, только белого, стояли четыре изящные колонны прозрачного горного хрусталя, поддерживающие вырезанную из цельного золотистого берилла сферу. Исходящее от нее сияние освещало зал, и в его слегка мерцающем свете была отчетливо видна красноватая дымка, извивающаяся между колоннами – сердце Дегунинского Оракула.

– Хотел бы я увидеть твои сны.

Глухой, чуть шипящий голос исходил от высокой, закутанной в черный плащ с низко надвинутым капюшоном фигуры, медленно вошедшей в зал и остановившейся в нескольких шагах от подиума. Берилловая сфера вспыхнула ярче, красноватая дымка сначала замерла, а затем переместилась к тем колоннам, которые стояли ближе к гостю.

– Поменяемся душами?

Оракул ответил точно таким же голосом. Абсолютно таким же. И красная дымка, сгустившись между колоннами, приняла вид высокой фигуры в черном плаще.

– Это лишнее. – Низко надвинутый капюшон качнулся. – Мне просто интересно.

– Странно, я думал, ты отдал любопытство кукле.

– Сантьяга не кукла, – спокойно ответил гость. – Он – это я.

– А я – это он! – Теперь между колоннами стоял высокий черноволосый мужчина в элегантном белом костюме. – И кто из нас ты?

Голос, жесты, свободная поза – хозяин идеально скопировал щеголя из микроавтобуса. Фигура в черном плаще кашлянула. Хотя, возможно, то был легкий смешок.

– Ты по-прежнему забавен, Оракул.

– И по-прежнему голоден. – Между колоннами снова извивалась красноватая дымка. – Ты пришел по делу, князь?

Вместо ответа гость медленно развел в стороны длинные руки.

– Хорошо, – прошептал Оракул, – хорошо.

Фигуру князя окутал плотный черный туман. Он продолжал поднимать руки, и облако, изредка прорезываемое сверкающими черными искрами, начало сгущаться над его головой.

– Чувствую, вопрос серьезный.

Неопытный наблюдатель мог услышать в замечании Оракула издевку, но князь хорошо знал, что скрывается за внешней суровостью и снисходительностью Оракула. Заключение в артефакт всезнающая и всевидящая душа тосковала в одиночестве и была искренне рада любому посетителю, способному заплатить цену за ее откровения. Князь Темного Двора – мог.

Черное облако над его капюшоном приняло форму правильного шара, не уступающего размером берилловой сфере. Князь запрокинул голову, свел руки над головой и теперь испещренное молниями облако танцевало на кончиках его пальцев. В нем было достаточно энергии, чтобы снести с лица Земли средних размеров город.

– Ты согласен принять мою цену? – поинтересовался князь.

– Это только часть цены, – ответил Оракул.

– Я знаю.

– Ты готов платить дальше?

– Готов.

– Тогда я согласен принять твою цену.

Князь медленно опустил руки перед собой на уровень глаз и облако послушно поплыло к колоннам.

– Я согласен...

Красная дымка выскользнула из-за колонн и резким, стремительным броском дотянулась до облака.

– Я согласен...

Облако остановилось и стало быстро втягиваться в красноватую дымку, на глазах уменьшаясь в размерах.

– Хорошо!

Берилловая сфера запылала гораздо ярче, ее свет залил помещение, и князь, пробурчав что-то невнятное, глубже нагнул капюшон.

– Хорошо!!!

Прозрачные колонны побелели, словно наполнились густым молоком. Остатки облака исчезли, красноватая дымка не спеша вернулась на место, какое-то время покрутилась между колоннами, словно наевшаяся и ищущая место для отдыха змея, затем снова сгустилась и приняла форму толстого, самодовольно улыбающегося мужчины в ниспадающем белом балахоне.

– И о чем ты хотел спросить?

– Нужно посоветоваться, – глухо произнес князь. – Зер-

кало Нави принесло странные знаки.

– Что в них было? – осведомился Оракул. – Кровь?

– Не только, – спокойно ответил гость, – хотя знак большой крови присутствовал. Главное, что подобное сочетание дает неопределенность. Зеркало не может вычислить источник будущих событий.

– Странно, что оно вообще дало тебе хоть какой-то знак, – усмехнулся Оракул и погладил большой живот. – Я не ожидал, что ваш артефакт сумеет уловить те робкие следы грядущего, которые вижу я. Настолько робкие, что даже лучшие маги-прорицатели Тайного Города не способны их почувствовать. Неудовлетворенность и обида дают странные всходы...

Глаза Оракула закатились и князь понял, что собеседник готов к пророчеству. Оракул никогда не выдавал точную информацию – только образы, способные объяснить грядущее, но сейчас даже эти расплывчатые фразы были весьма важны.

– Дерзкий ум одиночки способен принести только горе. Оторванный от всех, он не может понять глубину своего разума и силу, к которой прикоснулся. Ум и глупость идут рядом...

Оракул открыл глаза и хитро прищурился:

– Ты еще не забыл о цене?

Князь, внимательно слушавший пророчества, покачал капюшоном:

– Нет.

– Странно, учитывая особенности твоего характера.

Гербом Темного Двора была белка. И не зря.

– Мы договорились, – отрезал князь. – Какую душу ты хочешь сегодня?

– Какую душу?

В руках у Оракула появились два шара: белый и черный. Толстяк подбросил их к берилловой сфере, понаблюдал за тем, как шары вращались рядом с ней, а затем его толстые губы разошлись в плотоядной улыбке:

– Темную! – Шары исчезли. – Я хочу темную душу, князь!

– Хорошо, – кивнул гость, не двигаясь с места.

Несколько мгновений собеседники молчали, а затем входная дверь приоткрылась, и в помещение втокнули испуганно озирающегося мужчину в полосатой тюремной робе.

– Что? Чего вы хотите?

Легкая, почти незаметная красноватая дымка, выскользнувшая из-за молочно-белых колонн, окутала голову Остапчука.

– Хорошо, – рассмеялся Оракул. – Ты приготовил хорошую темную душу, князь.

– Тогда бери его, и продолжим разговор, – предложил гость.

– Нет. – Оракул с улыбкой выставил перед собой ладони. – Ты сам. Я так хочу.

Остапчук со страхом переводил взгляд с Оракула на фигуру в темном плаще.

– Ладно, – после короткой паузы кивнул князь. – Я сделаю все сам.

Мягким, неуловимо быстрым движением он приблизился к маньяку и откинул с головы капюшон.

Внутреннее пространство Дегунинского Оракула прорезал длинный, полный дикого, первобытного ужаса крик.

Железная дверца электроподстанции отворилась, выпуская в теплую летнюю ночь закутанную в черный плащ долговязую фигуру. Стоящий у микроавтобуса мужчина в элегантном белом костюме не спеша подошел к повелителю Темного Двора.

– Что-нибудь интересное?

– Мне еще предстоит обдумать услышанное, – негромко ответил князь. Справа от него набирал силу вихрь портала. – Ты нужен. Заканчивай здесь и немедленно ко мне.

Повелитель Темного Двора вошел в портал.

Сантьяга задумчиво посмотрел на вихрь, сдул с плеча несуществующую пылинку и перевел взгляд на подошедшего помощника. Точнее, на белокурую девочку, мирно спящую на его руках.

– Ортега, верните, пожалуйста, ребенка домой и проследите насчет вознаграждения за беспокойство.

– С удовольствием. – Ортега помялся. – Комиссар, разре-

шите вопрос?

– Разумеется.

– Как вы узнали, что Оракул потребует темную душу?

Вопрос был понятен: в отличие от помощника, Сантьяга не стал утруждать себя погружением подопечного в сон и позволил Остапчуку видеть происходящее. В Тайном Городе, ревностно оберегающем секреты от челов, это считалось преступлением, а значит, комиссар был уверен, что Поволжский Людоед никому ничего не расскажет.

Сантьяга усмехнулся:

– Я почему-то был уверен, что сегодня Оракул выберет зверя.

И тоже скрылся в портале.

– Я хочу услышать отчет о военно-политическом положении в Тайном Городе, – глухо произнес князь, усаживаясь в простое деревянное кресло с прямой спинкой. – Включая прогноз на ближайшее будущее.

Кабинет повелителя Темного Двора не отличался изысканностью. Грубо говоря, он вообще ничем не отличался, поскольку представлял собой лишь простенькое кресло князя, окруженное непроницаемым мраком, живой, пульсирующей тьмой, принимающей в свои объятия всех входящих. Именно здесь могущественный лидер Нави предпочитал прово-

дить большую часть времени и именно здесь современный человеческий покрой элегантного костюма комиссара, а особенно его белый цвет были более неуместны, чем в каком-либо ином помещении Цитадели. Они были чужды окружающей тьме до рези в глазах, противны самой ее природе, но мрак был вынужден мириться с ярким пятном.

Сантьяга огляделся и недовольно протянул:

– Здесь раньше был стол?

– Мне надоело, что ты вечно усаживаешься на него.

– Надо учиться быть терпимым, – буркнул комиссар. –

Неужели вы заставите меня стоять?

– Ты потерял форму?

– Я с кем-то соревнуюсь?

Повелитель Темного Двора издал неразборчивое клокотание и рядом с Сантьягой появился грубый деревянный табурет.

– Не пойдет, – покачал головой комиссар.

– Я услышу то, что меня интересует?

Табурет преобразовался в венский стул. Сантьяга поставил его перед креслом князя и уселся, поставив локти на спинку:

– Насколько полным должен быть отчет?

– Можешь ограничиться ключевыми моментами, – ответил князь. – Хочу оценить ситуацию.

– Занятно, что вы заговорили об этом, – улыбнулся комиссар. – Я планировал провести развернутый доклад для

вас и советников Темного Двора на следующей неделе, но знаки, которые вы увидели в Зеркале Нави, заставили меня приостановить работу. Сейчас мои аналитики ждут эти данные, чтобы продолжить расчеты.

– Избавь меня от своего словоблудия, – холодно попросил князь. – Развернутый доклад представишь потом. Я хочу услышать главное.

– Хорошо. – Сантьяга потер подбородок. – Главное заключается в том, что Темный Двор начинает терять лидирующее положение в Тайном Городе. Пока это незаметно, но тенденция прослеживается отчетливо.

– В чем она заключается?

– Как вы знаете, для нашего собственного спокойствия мы стараемся поддерживать принятое соотношение сил шесть к четырем. То есть в случае затяжной войны с любым Великим Домом Темный Двор одерживает победу с вероятностью шестьдесят процентов. Сейчас это соотношение сохраняется, но, по моим прогнозам, в ближайшие десять лет оно снизится до пятидесятипятипроцентной вероятности успеха, а еще через пять-шесть лет – до полного паритета. Пятьдесят на пятьдесят. Дальше мы стремительно покатаемся вниз. Примерно в то же самое время, то есть через десять-пятнадцать лет, к власти в Великих Домах придет новое поколение жриц. Почти гарантированно лишится своего поста великий магистр Ордена. Старик Леонарду на днях стукнуло двести...

– Я послал ему поздравления?

– Я послал ему поздравления от вашего имени, – успокоил повелителя Сантьяга. – И присутствовал на торжествах с одним из советников.

– И что?

– Чуды все больше и больше пропитываются осознанием своего могущества. Гвардия разрастается, ложи богатеют, молодые рыцари жаждут славы. Леонард умиротворен и слаб, ему осталось править недолго.

– Он может попытаться вспомнить былую прыть.

– К сожалению, да, – согласился комиссар. – Но это лишь отсрочит уход. Сейчас великий магистр окружен целой плеядой молодых и толковых магов. В Ордене и гвардии сменились почти все лидеры, и возведение на трон нового вождя – вопрос времени.

– А Зеленый Дом? Королева Всеслава слишком молода, чтобы отдать власть.

– Здесь ситуация обратная: она плотно занимается своим окружением. С момента воцарения Всеславы сменились уже три из семи жриц Зеленого Дома. На очереди еще две. У дружины Дочерей Журавля новая воевода, я рассказывал вам о ней: Милана, молодая и весьма энергичная особа. Через десять лет вокруг королевы будут только такие, и Всеслава будет вынуждена учитывать их амбиции. А амбиций у них много уже сейчас. Новое поколение лидеров Великих Домов не будет отягощено воспоминаниями о наших прежних по-

двигая и захочет проверить на зуб крепость Темного Двора.

– Разве твои усилия недостаточны для подтверждения этой крепости?

В обязанности комиссара Темного Двора входило обеспечение безопасности Великого Дома Навь и, по мнению всего Тайного Города, Сантьяга был лучшим комиссаром за всю историю Темного Двора. Его хитроумные комбинации не раз заставляли Великие Дома скрежетать зубами. А то и терять их.

– Интриги, локальные операции, – пожал плечами Сантьяга. – Не хочу хвастаться, но я демонстрирую наш ум, а молодые вожди захотят увидеть наши мускулы.

– К каким же выводам ты пришел?

– Через десять-пятнадцать лет Тайному Городу угрожает затяжная война Великих Домов, – жестко произнес комиссар. – Причем разразится она в самый неблагоприятный для Темного Двора момент. Этот прогноз учитывает даже вероятности непредвиденных событий, которые могут произойти за это время.

– Ты хочешь сказать, что мы проиграем?

– Только в том случае, если Орден и Зеленый Дом объединятся, а вероятность этого около трех процентов. В любом случае нам придется тяжело.

Князь помолчал, обдумывая заявление своего комиссара, а затем задал следующий вопрос:

– В чем причина нашей слабости?

– В длительном отсутствии серьезных конфликтов, – разъяснил Сантьяга. – Последняя война Великих Домов была очень давно. А в мирное время развитие Ордена и Зеленого Дома идет гораздо быстрее, чем у нас. Грубо говоря, они нарожали столько магов, что скоро попробуют закидать нас шапками.

– Опять человское выражение, – недовольно пробурчал повелитель Темного Двора. – Нав должен говорить: «Пойдут в бой с тупыми клинками».

– Мощь Источников магической энергии неизменна, но за десять лет наши соседи сделают большие запасы боевых артефактов, которыми смогут воевать. – Комиссар не обратил на замечание князя никакого внимания. – Сейчас мы опережаем и людов и чудов в знаниях, но это не стратегический перевес. Нам нужно совершить нечто такое, чтобы пришедшее к власти молодое поколение вплотную занялось восстановлением утраченных позиций и не помышляло о ратных подвигах.

– Война сейчас?

Сантьяга поморщился: его излюбленным оружием был стилет, а не дубина.

– Необязательно война, князь. Я имею в виду, что обязательно воевать Темному Двору. Но смысл вы уловили правильно: нам нужно придать развитию Тайного Города новый импульс. Желательно, пожестче, так, чтобы и Орден и Зеленый Дом оказались в нокдауне. Если дадите разрешение, я

немедленно займусь выбором подходящей причины для серьезного конфликта между рыцарями и Людью.

– Разумеется, у тебя есть заготовки?

– Только наброски. Затеем заварушку к концу ноября, потом соберем уцелевших на Карнавале Темного Двора и вы их помирите. Это станет хорошим украшением праздника.

Повелитель Нави помолчал, наблюдая за тем, как Сантьяга раскачивается на стуле, издал негромкий клокочущий звук и сообщил:

– Подходящая причина уже есть.

– Это связано с тем, что сообщил Оракул? – уточнил комиссар.

– Да, – коротко ответил князь. – Но мне надо подумать.

– Что ж, в безделье тоже есть свое очарование, – протянул комиссар и, заметив недовольное движение капюшона, тонко улыбнулся: – Это я о себе. Пока стратеги мыслят, тактики предаются утехам.

– Сантьяга, – устало буркнул князь, – мне надо серьезно обдумать слова Оракула. – Он помолчал. – А чтобы ты не скучал, проверь все, что связано с Золотым Корнем.

– Все?

– Все. Оракул сказал, что Золотой Корень – ключ к предстоящим событиям.

– Хорошо. – Комиссар поднялся со стула. – Пошел проверять.

– И еще... Почему ты опять в белом?

– Когда я вытаскивал из тюрьмы Остапчука, – улыбнулся Сантьяга, – мне пришлось прикинуться привидением – не успел переодеться.

И растворился во мраке.

«Ты стоишь на склоне горы и видишь, как с вершины начинает соскальзывать камень. Ты знаешь, что этот огромный валун вызовет мощный камнепад, безжалостный и неукротимый. У тебя есть два варианта: либо ты побежишь наверх, стараясь предотвратить события и рискуя быть погребенным под камнями, либо отойдешь в сторону, не препятствуя естественному ходу вещей».

«Это зависит от того, что находится под горой».

«Под горой стоят три дома, один из них принадлежит тебе».

«Тогда я постараюсь предотвратить камнепад».

«Ты не уверен в крепости своих стен?»

«Чтобы проверить прочность алмаза, не стоит бить по нему кузнечным молотом».

«Это относится только к алмазам. Крепость стен, руки и духа надо проверять постоянно. – Оракул выдержал паузу. – Но мы забыли о соседях, ради которых ты готов оставить свой дом без хозяина. Уверен ли ты, что оказавшись в подобной ситуации, они поступят так же?»

«Я думаю о своем доме».

«Но под горой их три. Возможно, кто-то из твоих соседей больше тебя уверен в прочности своих стен».

«И пробравшись на вершину, сам столкнул камень?»

«Зачем же так прямолинейно? Мы приняли за аксиому утверждение, что камень сорвался сам по себе, но мощь лавины завораживает наблюдателя. Делится с ним ощущением колоссальной силы».

«И замороженный могуществом, он захочет оседлать лавину?»

«Подчинить своей воле, – кивнул Оракул. – В надежде, что стены именно твоего дома окажутся слабыми».

«Останутся крепость духа и руки».

«Не лучше ли сделать выбор раньше?»

«Позволить начаться камнепаду...»

«И собрать все камни внизу».

«Посмотреть, что будут делать соседи».

«Освободить вершину от подозрительных камней».

«Чтобы не было больше лавин».

«По крайней мере, из этих камней».

«Потом спуститься вниз...»

«И посмотреть на стены».

«Или на то, что от них осталось».

«Останется, – проворчал Оракул. – Если с хозяином ничего не случится, дом всегда можно отстроить заново. – Он снова выдержал паузу. – Первый камень уже покатился, и у

тебя очень мало времени».

«Ты предлагаешь опасный выбор, – угрюмо произнес князь, – но видишь дальше меня».

«Не надо мне завидовать. Даже Спящий удивляется, наблюдая в своих снах мои мучения».

«Вряд ли ему снятся такие кошмары...»

Камень, сорвавшийся с вершины. Камнепад, неумолимо приближающийся к стоящим под горой домам. Сегодня витиеватая речь Оракула была на редкость прозрачной, но князь все еще не принял окончательного решения:

– Оседлать лавину или предотвратить ее?

Как бы ни старались индустриальные гиганты, ежемесячно выбрасывающие в атмосферу десятки тонн пыли, с какой бы интенсивностью ни засорили планету своими отработанными шлаками металлургические комбинаты, сколько бы тонн сырой нефти ни выливалось из дырявых нефтепроводов, налетевших на рифы танкеров и сорванных плавучих платформ, все равно на Земле не было места, похожего на это. Даже если бы все машиностроительные за-

воды и химические комбинаты, все танкеры и нефтепроводы мира были сосредоточены на одном поле, все равно это поле не стало бы столь мертвым и безжизненным. Все равно нашлось бы растение, которое пробилось бы к солнцу через горы шлака и химических отходов, которое научилось бы соседствовать с нефтяными прудами и подставлять листья кислотным дождям, которое сумело бы переработать мусор с тем, чтобы через тысячу или десять тысяч лет, когда тупые и оборотистые «хозяева Земли» вымрут от созданной ими грязи, вернуть планету в ее нормальное состояние. Нашлось бы такое растение, ибо несмотря на все усилия чело́в, они не сумели и не сумеют преодолеть главный закон своего мира – стремление давать жизнь.

...Это место не могло находиться на Земле: ведь ни в черной пыли, покрывающей его поверхность, ни в мрачно нависающем над не́бе, ни в неистовом, непрерывно дующем ветре не было и намек на жизнь. На то вечное, хаотичное движение, которое не признает правил и ограничений, которое всегда побеждает врага только ради того, чтобы жить, и которое невозможно вычислить или просчитать – его можно только почувствовать.

В Глубоком Бестиарии не чувствовалось ничего подобного.

А еще в нем не чувствовалось времени.

А еще казалось, что тяжелое, как будто мраморное небо только потому не падает на поверхность, что уже сопри-

коснулось с нею на линии горизонта да так и застряло.

А еще все это место было покрыто мельчайшей черной пылью, каждая частичка которой была тверже алмаза и настолько маленькой, что увидеть ее можно было лишь в электронный микроскоп. Если кому-нибудь пришло в голову притащить его в Глубокий Бестиарий.

Но при этом, как ни странно, непрерывно дующий ветер не поднимал пыль, не заставлял ее клубиться под мраморным небом, и единственное, на что у него хватило сил, – создать из черных частичек невысокие дюны, которые неторопливо мигрировали по Глубокому Бестиарию.

Невысокие черные дюны.

Казалось, ничто и никогда не сможет изменить царящий здесь порядок. Слишком уж безжизненными выглядели дюны, слишком тяжелым – небо, слишком постоянным – ветер. Но так только казалось. С тихим шорохом по мрамору небесной тверди пробежала тоненькая молния, золотистая змейка, нарушающая привычное постоянство Глубокого Бестиария. Прочертив длинную ломаную кривую, она бесшумно ударила в одну из черных дюн, образовав в пыльной поверхности маленькую воронку и из-под сводов тяжелого неба послышался негромкий голос:

– Ктулху!

Миллиарды черных песчинок взлетели в воздух и, подчиняясь чьей-то воле, оказавшейся гораздо сильнее порывов ветра, закружились в причудливом танце вокруг воронки, из ко-

торой устремился вверх узкий лучик золотистого света.

– Твое время пришло!

Пыльный смерч становился все больше, скорость движения песчинок возрастала, из легкого облачка, напоминающего рой черных насекомых, они превратились в плотный, подобный веретену, вихрь, полностью поглотивший золотистый луч. Постепенно внутри смерча возникли новые завихрения, его основание распалось на три части, а еще два отростка возникли примерно в шести футах над поверхностью. Когда плотность пыли достигла максимума, вихревые движения прекратились и черная фигура стала быстро приобретать окончательную форму: складки серой кожи, острые клыки, длинные жилистые руки, и вот...

– Я вернулся!!!

Ослепительная вспышка озарила безжизненную равнину Глубокого Бестиария и когда она погасла, на том месте, куда ударила молния, появилась массивная, семи с лишним футов ростом, тварь с необычайно широкими плечами и мощными ногами. Ступни чудовища представляли собой длинные и острые шипы, поэтому при остановке ему приходилось поддерживать равновесие при помощи толстого хвоста. Круглая голова была абсолютно лысой, рот, растянутый от уха до уха, наполнен кривыми желтыми зубами, а маленькие, глубоко проваленные глаза горели настолько ярким золотым огнем, словно впитали в себя давящую молнию.

– Великий Господин! – взревела тварь. – Твой Ктулху вернул-ся! Погонщик рабов твоих!!

* * *

ночной клуб «Лунная заводь»

Москва, улица Большая Пироговская, 29 июля, воскресенье, 23:51

Музыка гремела отовсюду. Огромные колонки, установленные в каждом свободном уголке, наполняли помещение грохочущими звуками рейва, призывая к максимальному отключению от всех насущных проблем. Потный диджей хрипло выкрикивал в микрофон невразумительные лозунги и все более ускорял ритм танцпола. В мерцании огней его круглая, украшенная модными очками голова напоминала гримасничающий воздушный шар.

– Эстебан классно зажигает, – вздохнула Валя Пенкина, кивнув на диджея.

– Но тебя не заводит, – уточнила Вероника.

Валя провела указательным пальцем по влажной стойке бара.

– Не заводит.

На лбу девушки выступила испарина. Для насквозь прокуренной и пропахшей потом «Лунной заводи» в этом не было ничего необычного, но Валя пришла совсем недавно, и Вероника догадалась об истинной причине ее состояния:

– Ломает?

– Да, – почти крикнула Валя и тут же нервно огляделась. Было непонятно, проверяет ли она реакцию окружающих на свой возглас или ищет драгдилеров. – Почему никого нет? Где Вагиз?

– Появится.

Подруги были совершенно не похожи друг на друга. В отличие от тощей, узкоплечей Вали, которая красила короткие волосы под блондинку и имела привычку часто облизывать тонкие губы, высокая Вероника, с копной черных, густых и длинных, до плеч, волос, производила впечатление на мужчин. У нее было узкое продолговатое лицо с высоким чистым лбом, несколько удлиненным подбородком и тонким, хищным носом, тоже длинноватым, если быть до конца честным, но совсем не портившим девушку. Наоборот, в сочетании с большими черными глазами и полными губами он придавал ей очаровательную загадочность. Девушка была даже слишком высока – шесть футов босиком, но вряд ли кто-нибудь мог назвать ее «жердью», для этого Вероника Пономарева была слишком хорошо сложена. Длинные стройные ноги с подтянутыми бедрами, тонюсенькая, четко очерченная талия, хорошо развитая грудь, изящная шея, а если добавить, что девушка никогда не сутулилась, то становилось понятным, почему мужчины оценивали ее рост восхищенными взглядами, а не саркастическими улыбками.

– Родители, кажется, пронюхали, что я ширяюсь, – скри-

вилась Валя. – Папашка деньги зажимает, а я опять на мели. Еле уговорила дать немного в счет будущих карманных денег. На один болик «герыча» хватит, или «стима»...

Вероника вздохнула. Ее собственное материальное положение тоже было плачевным, но сегодня девушка была богаче подруги.

– «Геру» ищешь или «стим»?

– «Геру». – Валя снова огляделась. – Ну где же все?!

Драгдилеров в клубе действительно не наблюдалось. Вероника пожала плечами и повторила:

– Появятся.

– Пойду в туалете посмотрю. – Валя отлипла от стойки.

«Действительно, где же проклятый Вагиз? – Вероника тоже немного занервничала. – Обычно он и его ребята появляются гораздо раньше».

Девушка поднесла к губам бокал. Пиво выдохлось. Оно и так немножко кислило, а теперь, согревшись, стало омерзительным на вкус, но Вероника не отставляла бокал, продолжая тянуть противный напиток малюсенькими глотками. Местные бармены, заметив, что клиент опорожнил дозу, немедленно предлагали повторить процедуру, а цены у них, несмотря на то что «Лунная заводь» не считалась элитным клубом и не была рассчитана на богатую молодежь, весьма кусались. Денег же у Вероники было впритык, только на самое необходимое.

Девушка снова пригубила пиво и покосилась на шумев-

шую неподалеку пышную красноволосую девицу с близко посаженными глазками. Людочка Пупырышкина. Шапочное знакомство не позволяло Веронике присоединиться к компании красноволосой толстухи, но она точно знала, что деньги у Людочки водились: получившие богатое наследство родители не считали расходы взрослого чада.

«Почему все так несправедливо? – завистливо подумала Вероника, глядя, как Пупырышкина размахивает толстыми пальцами, украшенными многочисленными кольцами. – Чем эта крашенная стерва лучше меня? Почему она пьет дорогой коктейль, а я эту мочу?»

Вкус пива стал не просто неприятным – отталкивающим, и Вероника раздраженно опустила бокал на стойку.

«Наверняка у этой сучки никогда не бывает проблем с Вагизом! Не то что у меня...»

Вероника с особой тоской вспоминала недавние события. Идиоты родители влезли в долги и купили новую машину.

«Кому нужна эта долбаная тачка? Всего-то бюджетный «Хендай», а визгу, словно «Мерседес» купили!»

И на долгих три года основной статьей семейного бюджета Пономаревых стало обслуживание долга. Веронике существенно урезали содержание, в результате она задолжала Вагизу и чтобы расплатиться, неделю провела в сауне с его друзьями бандитами, насочиняв родителям, что уезжала в дом отдыха. С долгом расплатилась, но...

«А тебе, сучка, приходилось лечиться от триппера? – с

неожиданной злобой подумала Вероника, глядя на Пупырышкину. – Тебе приходилось обслуживать за раз шестерых пьяных бандитов? Тебе...»

Дикая ненависть охватила девушку. Она судорожно сжала бокал и уже готова была запустить его в визгливую красноволосую девицу, когда в зеркале бара отразилась знакомая фигура. Вероника резко обернулась и радостно взмахнула рукой:

– Вагиз!

– Короче, пацаны, несмотря на то что Управление по борьбе с наркотиками перестало трясти нашу любимую «Лунную заводь», в ближайшее время мы должны быть осторожны.

– Почему, Вагиз? – поднял брови Рахмет. – Туркан сразу свистнет, если кто из них появится. Ты же знаешь, какой у него нюх!

Здоровенный Туркан служил в «Лунной заводи» вышибалой и чувствовал переодетого полицейского спинным мозгом. Впрочем, другого у него не было. Во всяком случае – другого полноценного.

– Рахмет, закрой пасть, – угрюмо попросил Вагиз. – Я не хочу плохо спать по ночам из-за твоей жадности. А если мы загадим точку, то смотрящий нас наизнанку вывернет. Это понятно?

Рахмет понял, что зарвался, покрутил головой и кивнул:

– Конечно, понятно, Вагиз, извини.

– Так-то лучше. – Вагиз помолчал. – Всю следующую неделю мы будем продавать дурь только старым клиентам. Никаких новичков!

– Понятно, Вагиз, – дружно подтвердили остальные, но один из них, Эльдар, поднял руку:

– Можно вопрос?

– Валяй.

– Ты поделил товар, очень хорошо. – Эльдар запнулся. – Колеса, «герыч», «зайчики»... это хорошо, но я не нашел «стим». У нас его нет?

Вагиз поморщился:

– Это была опытная партия. Я спрашивал у поставщика – производство «стима» только разворачивается.

– Жаль, – протянул Эльдар. – Торчки в восторге от «сти-ма».

– Знаю, – буркнул Вагиз, – знаю. У меня есть еще несколько доз, так что, если кто-то будет очень настаивать – посылайте ко мне.

– ОК.

– Еще вопросы есть?

– Нет.

– Тогда по местам! – рявкнул Вагиз. – Какого черта сидите? Вечер в разгаре!

Торговцы выскочили из кабинета.

«Вот так с вами надо, – усмехнулся Вагиз, глядя, как закрывается дверь за последним из них. – Одной рукой сопли вытирать, следить, чтобы из песочницы не вывалились, а другой – нож у горла держать, а то того гляди...»

Вагиз подошел к зеркалу и с удовольствием подмигнул своему широкоплечему, белозубому отражению, одетому в дорожный костюм «от-кутю».

«Что-то Рахмет в последнее время стал много себе позволять. – Вагиз поправил лацкан пиджака, подумал и вставил в кармашек черный шелковый платок. – Забурела сямка? Второй сезон в столице, а уже зубы выросли? Напильником их! Напильником! Ишь чего удумал – Управление по борьбе с наркотиками ему не указ! А когда они тебя за кости подвесят?»

О том, на что способны полицейские, Вагиз знал не понаслышке – именно в полиции он начинал свою московскую карьеру. Тогда, в девяностых, она еще называлась «милиция» и с радостью приняла в свои далеко не блестящие ряды молоденького, только после армии, паренька. Вагизу в той милиции нравилось, порядки дембельские: кто не проявил уважения – дубинкой по спине, попробовал качать права – в кутузку «для выяснения личности», и никакой ответственности, знай себе собирай дань с расплодившихся палаток да мелких торговцев. Не гнушался и грабежами: не один выпивоха после встреч с новоявленным «стражем порядка» просыпался в околотке обобранный до нитки, а главное – Ва-

гиз старательно закрывал глаза на торговцев наркотиками и содержателей борделей, «живущих» на его участке. Они-то и пригрели старого знакомого после того, как власти, ошарашенные размахом уголовного беспредела, воцарившегося на обломках империи, провели реформу, упразднили Министерство внутренних дел и полностью передали полицию в ведение местных властей. В этой организации Вагизу делать было нечего.

Разницу между новой жизнью и милицейской вольницей Вагиз не особенно почувствовал: просто с плеч исчезли погоны, а пистолет приходилось носить не в кобуре на поясе, а под пиджаком. Зато криминальный мир открывал куда более широкие возможности, чем насквозь пронизанная родственными связями милицейская среда, и Вагиз, как он считал, воспользовался этими возможностями весьма умело: в настоящее время он контролировал продажу наркотиков в ночном клубе «Лунная заводь», двух соседних барах и на окрестных улицах. Сумел сколотить капиталец и даже подумывал о собственном домике на Гавайях. Весьма довольный тем, что он увидел в зеркале, драгдилер вышел в зал клуба, на секунду остановился, привыкая к шуму и мельканию огней, лениво улыбнулся, заметив, как к Эльдару приблизился паренек в белой майке, «клиент пошел», и повернулся на призывной крик:

– Вагиз!

Вероника, сидящая у стойки бара, активно размахивала

рукой.

«Что, сучка, прижало?»

– Вагиз, привет!

– Здравствуй, моя радость. – Драгдилер уселся на соседний табурет, кивнул бармену «как обычно» и с улыбкой посмотрел на девушку. – О чем горюешь?

Вероника придвинулась ближе и прошептала:

– Вагиз, мне нужен «стим».

Драгдилер прищурился, глядя в лихорадочно горящие глаза девушки и задумчиво побарабанил длинными, с ухоженными ногтями пальцами по стойке.

– Понравился?

– Ага, – подтвердила Вероника.

– Хорошая вещь, – согласился Вагиз.

Взял поданный барменом бокал, потянул напиток, ожидая, пока парень не отойдет подальше, и притворно вздохнул:

– Хорошая вещь, но редкая.

– У меня есть деньги, – заторопилась девушка.

«Повезло же родителям с дочкой!»

– Неужели?

– Честно. Как раз на две дозы.

Руки Вероники дрожали от нетерпения. Пока от нетер-

пения – Вагиз хорошо различал состояние клиентов. Ломка еще не началась, она просто предвкушает кайф.

«А девочка ничего, еще свеженькая, – драгдилер внимательно окинул взглядом аппетитную фигуру Вероники, едва прикрытую коротеньким платьем. – Подтянутая, но совсем не плоская, ножки длинные, да и ребята из сауны ее хвалили. Пожалуй, надо попробовать».

Вагиз медленно сделал большой глоток коктейля, наслаждаясь возбуждением Вероники, поставил бокал на стойку и склонился к уху девушки:

– «Стим» есть. За две дозы – сто шестьдесят.

– Как сто шестьдесят? – выдохнула Вероника. – Ведь было сто!

– Товар ходовой, – пожал плечами драгдилер. – Поставщик это оценил и поднял цену. Восемьдесят за дозу.

– Но у меня только сто, – расстроено пробормотала девушка.

– Печально, – усмехнулся Вагиз. – Возьми одну.

– Одну? Всего одну? – На глазах Вероники выступили слезы.

«Проклятый Вагиз!»

– Или возьми «герыча», – безмятежно продолжил драгдилер. – У тебя денег как раз на два болика.

– Мне нужен «стим».

– «Стим» по восемьдесят, – отрезал Вагиз. – Решай быстрее, у меня бизнес.

Драгдилер сделал вид, что собирается подняться с табурета, и Вероника отчаянно вцепилась в его руку:

– Вагиз, миленький, пожалуйста, давай что-нибудь придумаем, а?

Драгдилер упивался подобными моментами. Ощущение тотальной власти над клиентами, ощущение бесконечного, безнаказанного могущества... в эти мгновения Вагиз чувствовал себя Богом. Или как минимум Суперменом. Он позволил Веронике вернуть себя на табурет, улыбнулся и небрежно провел рукой по щеке:

– И что мы можем придумать на шестьдесят монет?

Метро должно было закрыться через четверть часа, и электрички собирали последнюю жатву с полупустых перронов. Уставших, сонных перронов, несущих на себе следы дневного вторжения людей: пустые бутылки, обрывки газет, оторванные пуговицы.

Ночное метро – это особый мир. Мир безлюдных пещер, изредка наполняемых ревом железных червей и механическими голосами: «Осторожно, двери закрываются, следующая...» Голоса разносятся по станциям, отражаясь от мраморных сводов и ускользая вверх по эскалаторам, стараясь долететь до таких же пустынных, как перроны, московских улиц. Ночное метро – это победа холода над душой, это

стальной механизм, живущий по своим законам, действующий безо всякого вмешательства человека, но пока еще подчиняющийся ему. Пока, потому что ночное метро слишком хорошо разбирается в людях, оно видит то, что они стыдливо скрывают днем, оно может читать правду по их усталым лицам.

И вряд ли ночному метро нравится то, что оно видит.

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция – «Электрозаводская».

Вероника подняла голову, огляделась, почувствовала взгляд сидящего напротив мужчины и машинально поправила слегка задравшийся подол коротенького летнего платья.

«Подонок, делает вид, что спит, а сам пялится на мои колени!»

Клевавший носом пассажир заерзал – кино закончилось.

«Вот так-то лучше».

Похотливый мужичок напомнил Веронике Вагиза. Даже не Вагиза, а комнатку за баром, в которую ее привел драгдилер. Маленькую комнатку, заставленную ящиками со спиртным. Почему Вагиз не отвел ее наверх, где есть уютные «кабинеты», специально предназначенные для подобных целей? Вероника наклонилась и осторожно погладила ссадину на икре. Поморщилась.

«А на бедрах наверняка появятся синяки! Грубое животное!»

Вагиз был совсем не ласков. Его стальные пальцы с ухо-

женными ногтями яростно впивались в кожу девушки до тех пор, пока, удовлетворенный, он не оттолкнул от себя Веронику и брезгливо достал из кармана носовой платок.

«Ну и пусть! – Спрятавшиеся на дне сумочки ампулы заставили Веронику непроизвольно улыбнуться. – Зато у меня есть «стим». Целых две дозы!»

* * *

институт им. Сербского

Москва, Кропоткинский переулок, 30 июля, понедельник, 03:18

– Как он это сделал? – мрачно спросил Хвостов.

Приземистый, носатый мужик, он был начальником смены, и именно ему предстояло отвечать за произошедшее перед директором.

Румянцев виновато развел руками:

– Не представляю.

– Ты хоть понимаешь, сколько стоит твое «не представляю»? – с тихой злобой поинтересовался у надзирателя Хвостов. – Ты знаешь, в чем нас могут обвинить?

– Догадываюсь, – глухо буркнул Румянцев.

– За этой тварью цистерна крови! Его вся страна ненавидит! Что мне теперь прикажешь делать? Все ведь решат, что мы его специально замочили, чтобы он сумасшедшим не прикинулся!

– А я что могу?

– «А я что могу»! – передразнил Румянцева Хвостов и устало прислонился к распахнутым дверям камеры номер тридцать семь.

Емельян Остапчук лежал на спине, неестественно вывернув голову и вытянув руку так, словно пытался схватиться за привинченную к полу ножку нар. И серые стены, и бетонный пол камеры были залиты кровью и украшены быстро остывающими внутренностями маньяка, а его тело представляло собой кошмарное месиво мышц и костей. Если бы Хвостов или Румянцев были поклонниками стиля фэнтези, то могли бы подумать, что несчастного Остапчука пожевал и выплюнул случайный дракон. Но надзиратели не читали сказки.

– Такое впечатление, что он в центрифугу попал, – буркнул начальник смены, пытаясь справиться с дурнотой. – Или в машину какую-то.

– Или его человек сто топтало, – угрюмо выдвинул свою версию Румянцев.

– Ну, тебе виднее.

Легкое удивление вызывало лишь то, что не пострадала голова Поволжского Людоеда. На ней даже не было крови, зато был дикий ужас, застывший в вытаращенных глазах. Ужас такой, словно Остапчук увидел все свои жертвы сразу.

«Нет, – поправил себя Хвостов. – Если бы этот гад увидел все свои жертвы, он бы посмеялся».

Тогда что могло так напугать Остапчука?

Толпа уголовников с заточками? Хвостов знал, что криминальный мир с яростью следил за кровавыми похождениями Поволжского Людоеда и сразу после его поимки по зонам прокатился приказ при первом же появлении убрать выродка. Но вряд ли бандиты вызвали бы у маньяка такой страх. Да и сколько их здесь ждет освидетельствования? Десяток? Хвостов покосился на Румянцева. Мог ли надзиратель допустить в камеру Остапчука уголовников? Теоретически...

Да какая, к чертовой матери, теория?! Чтобы притащить в это крыло криминальных отморозков, Румянцеву пришлось бы вступить в сговор еще как минимум с тремя надзирателями, как-то обмануть камеры видеонаблюдения...

«Кстати, о видеокameraх!»

Хвостов включил рацию:

– Двадцать первый, двадцать первый, это ноль второй, как слышите?

– Двадцать первый на связи, – отозвался дежурный на пульте видеонаблюдения.

Начальник смены помолчал, глядя на переминающегося с ноги на ногу надзирателя, и поинтересовался:

– Степаныч, ты видеозапись проверил?

– Проверил, – подтвердил дежурный, – все чисто.

– Что значит «все чисто»?

– В тридцать седьмую камеру никто не входил и не выходил, вплоть до того момента, как Румянцев поднял тревогу.

– Это точно?

– Абсолютно.

– Хорошо. Отбой. – Хвостов выключил рацию и снова посмотрел на Румянцева: – Пиши рапорт, Вася.

– А что писать?

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, улица Люсиновская, 30 июля, понедельник,
08:01

«В настоящий момент проводится тщательное расследование происшествия, и единственное, что известно на сто процентов, это то, что Емельян Грицаевич Остапчук, известный как Поволжский Людоед, – мертв. Заявление администрации института Сербского весьма невнятно. Предполагается, что известный маньяк покончил жизнь самоубийством, но адвокаты убийцы уже заявили...»

– Да выключи ты эту передачу, – попросила Тамара. – Ни к чему ребенку слушать.

Анатолий кивнул, выключил радио и посмотрел на вошедшую на кухню дочь:

– Доброе утро, цыпленок!

– Доброе утро! – Настя взобралась на стул, задумчиво посмотрела на остатки яичницы в тарелке отца и внезапно выпалила: – А я сегодня ночью каталась с Дедом Морозом! Честно!

– Дед Мороз приходит под Новый год, – заметил Анатолий, прихлебывая кофе, – а сейчас лето. Так что, цыпленок, не обманывай.

– А он сказал, что летом путешествует и покатал меня на своей повозке. – Настя поковыряла ложкой манную кашу. – У него такая повозка красивая. И запряжена белыми оленями. Они такие смешные, все время колокольчиками звенят, честно!

Родители переглянулись.

– И где же вы катались? – улыбнулась Тамара.

– А везде-везде! Только не по улицам, а прямо по облакам! Мы весь город объехали! – Настя помолчала и гордо закончила: – А еще Дед Мороз сказал, что когда я вырасту, то стану настоящей Снегурочкой! Вот!

– Конечно, ты станешь Снегурочкой, дорогая. – Тамара поцеловала белокурую макушку дочери. – Ты у нас самая красивая в мире.

Чуть позже, когда Анатолий уехал на работу, а Настя занялась своими куклами, в дверь квартиры Ермоловых позвонили.

– Тамара Викторовна?

– Да.

– Ортегов Иван Иванович. – Высокий черноволосый муж-

чина в элегантном костюме вежливо склонил голову. – Я представляю благотворительный фонд «Умное будущее». Вы позволите войти?

Тамара некоторое время разглядывала пришельца, а затем неуверенно кивнула:

– Проходите, но если вам нужны пожертвования, то хочу сразу предупредить, что...

– Ни в коем случае, – обворожительно улыбнулся Ортегов. – У меня совершенно иная цель.

Он уверенно прошел в гостиную, расположился в кресле, отказался от предложенного кофе и раскрыл на журнальном столике тоненький кейс.

– Хочу предупредить, Тамара Викторовна, что цель моего визита довольно необычна, поэтому прошу вас не удивляться и внимательно выслушать краткую предысторию.

– Да, конечно. – Тамара присела в соседнее кресло.

– Наш фонд «Умное будущее» образован больше двадцати лет назад. Основное направление деятельности: организация получения достойного образования для наиболее одаренных детей России. Мы хотим, чтобы талантливый ребенок мог раскрыть свой дар независимо от благосостояния родителей. Взносы в наш фонд поступают от крупных российских компаний, от людей, которые думают о будущем страны. – Ортегов улыбнулся. – Мы не ходим по квартирам с протянутой рукой.

– Извините.

– Ничего страшного. – Гость выложил на стол несколько листов бумаги. – Мы разработали программу поиска одаренных детей. Наши специалисты проводят многочисленные тесты в детских садах и школах, но в основном в садах, поскольку мы заинтересованы в том, чтобы ребенок начал получать хорошее образование как можно раньше.

– Честно говоря, мне уже захотелось пожертвовать вашему фонду пару десятков, – улыбнулась Тамара.

Первоначальный холодок исчез, и теперь гость вызывал у Ермоловой полное доверие.

– В этом нет необходимости, – покачал головой Ортегов. – Я счастлив сообщить вам, Тамара Викторовна, что ваша очаровательная Настя показала во время тестов замечательные результаты и попала в сферу нашего внимания. Фонд «Умное будущее» готов официально предложить грант на обучение вашей дочери. Мы поможем подобрать подходящую школу... Насколько я знаю, девочка собирается в первый класс как раз в этом сентябре?

– Да, – кивнула Тамара.

– Так вот. Вы сможете выбрать любую школу в Москве по вашему желанию, а затем – любое высшее учебное заведение, в том числе и за рубежом. Фонд полностью оплатит обучение вашей дочери.

– Это... это... – Тамара ошарашенно смотрела на гостя. – Вы что, Дед Мороз?

– Зачем же? – снова улыбнулся Ортегов. – Я понимаю,

что вам необходимо посоветоваться с мужем, обдумать мое предложение, все взвесить. Я оставлю вам документы, информацию о фонде и рекомендации. – На столе появились отпечатанные на дорогой бумаге буклеты. – Вы не первые, к кому мы приходим, Тамара Викторовна, так что сможете проверить каждое мое слово. Если решите принять предложение – просто позвоните по указанным телефонам, и к вам подъедут наши специалисты.

– Мама, мама, смотри, что я нарисовала! – В комнату вбежала Настя, но, увидев незнакомца, остановилась. В ее глазах мелькнуло...

– Прекрасный ребенок, – улыбнулся Ортегов, закрывая кейс. Помедлил и неожиданно добавил: – Когда вырастет, станет настоящей Снегурочкой.

Глава 2

Московское полицейское управление

Москва, улица Петровка, 30 июля, понедельник, 09:34

Еженедельное совещание полицейских руководителей города всегда проводилось по понедельникам и всегда в восемь утра. Это правило, введенное генералом Шведовым вскоре после занятия должности, не было ни разу нарушено. Даже в отпуск генерал отправлялся после проведения совещания и обязательно возвращался к следующему, чтобы немедленно войти в курс дел. Недельная отлучка, причем не чаще чем раз в год, – максимум, что мог позволить себе Шведов.

Состав участников совещания был столь же строг и неукоснителен, как и время его проведения: сам генерал, его заместитель, руководители городских и окружных управлений. Вот и сейчас за длинным столом в кабинете Шведова расположились полковник Звонарев, руководитель криминальной полиции, полковник Кузьмин, отвечающий за борьбу с экономическими преступлениями, полковник Савельев, занимающийся преступлениями в сфере высоких технологий, полковник Ярцев, возглавляющий полицию общественной безопасности, полковник Важенин, командир полицейского спецназа, полковник Федотов, работающий с наркотиками, и десять руководителей окружных управлений. Единственным не полковником и, соответственно, не начальни-

ком управления, был майор Корнилов, невысокий худощавый мужчина с редкими, неопределенного цвета волосами и полусонными глазами. К тому же он, единственный из всех присутствующих, не был одет в форму, предпочитая носить вместо уставного мундира мятый серый костюм. Однако ни сонный вид – Корнилов был «совой» и с трудом терпел ранние подъемы, – ни затрапезный внешний вид не вводили хорошо знающих его участников совещания в заблуждение: о профессионализме майора в полицейском мире России слагали легенды. Андрей Кириллович Корнилов возглавлял отдел специальных расследований. При этом, несмотря на то что структурно отдел входил в Управление криминальной полиции, подчинялся непосредственно генералу Шведову. Отдел занимался разработкой организованных преступных сообществ, а также самыми громкими преступлениями и Корнилов прославился тем, что раскрывал все полученные дела. Он отправил на каторгу Саню Пушкина, самого одиозного лидера московских уголовников, он поймал Вивисектора, наводившего настоящий ужас на жителей города, он... Список побед Корнилова можно было продолжать до бесконечности и золотой полицейский жетон, полученный им из рук президента страны, был лишь одной из форм признания заслуг майора. Достаточно сказать, что больше подобной чести не удостоивался ни один полицейский. Однако заслуги и награды не вызвали у Андрея ярко выраженного понимания собственной исключительности: он по-прежнему был всего

лишь начальником отдела, всего лишь майором, одинаково ровно общался и с полковниками, и с простыми патрульными и, как следствие, не вызывал у коллег отрицательных эмоций. Разве что зависть. У некоторых.

К утренним совещаниям у Шведова Андрей относился без энтузиазма, просто как к одной из составляющих профессии и единственное, что его по-настоящему раздражало, был запрет на курение. Генерал терпеть не мог табачного дыма, и для Корнилова, обычно смолящего одну сигарету за одной, полтора-два часа в кабинете начальника Московского управления полиции превращались в нечто вроде пытки.

– Итак, господа, в целом круг проблем мы с вами обрисовали. – Шведов посмотрел на часы. – Василий Игнатьевич, ты вроде хотел обсудить еще какой-то вопрос?

Полковник Бурцев, начальник Управления полиции Западного округа, кивнул и, покопавшись в своем портфеле, выложил на стол пакетик с разноцветными таблетками.

– «Химики» вернулись.

– Черт! – вырвалось у Федотова.

Все сочувственно посмотрели на главу Управления по борьбе с наркотиками.

Около года назад Москву захлестнула мощная волна синтетических препаратов, изготовленных на высоком профессиональном уровне. Некоторые осведомители даже сообщали, что в городе заработала подпольная фабрика, но Федотов напрочь отверг эту информацию, убедив всех, что «хи-

мия» пришла и он уже прорабатывает изготовителей и каналы доставки. Действительно, в течение некоторого времени Управление по борьбе с наркотиками совместно с коллегами из Питера и Варшавы накрыло два подпольных производства синтетической дури в этих городах, сумев существенно снизить поток «химии» на Москву. Федотов принял поздравления и вплотную занялся своим любимым проектом, разработкой трансконтинентального «героинового» канала из Азии. Информация Бурцева стала для него неприятным сюрпризом.

Шведов нахмурился, и его пальцы выбили на столешнице замысловатую дробь.

– Что значит «вернулись», Василий Игнатьевич? Вы проверили состав таблеток?

– Да. – Бурцев бросил на стол несколько листов бумаги. – Мы изъяли партию в пятницу, во время рейда, провели экспертизу и она подтвердила, что «колеса» полностью идентичны предыдущим. Тем, которые вызвали прошлую волну. – Руководитель Западного округа чуточку виновато посмотрел на Федотова. – Я получил результаты экспертизы только вчера.

– Полностью идентичны?

– Абсолютно. Эксперты клянутся, что изготовитель тот же.

– Значит, питерскую и польскую лаборатории нам сдали конкуренты? – Генерал посмотрел на Федотова, тот развел

руками. – Валерий Михайлович, вы проводили экспертизы вновь поступающих наркотиков после того, как были накрыты фабрики в Питере и Варшаве?

Федотов кивнул:

– «Колеса» точно были другими.

– Возможно, местные какое-то время гнали товар на экспорт, – высказался Бурцев, – а на наш рынок шла наркота из третьего источника. Теперь они решили, что все улеглось, и вернулись. Кстати, по нашим данным, в городе появился новый синтетический наркотик – «стим».

– Мы знаем о нем, – буркнул Федотов.

– А его производителя?

– Нет. – Полковник помолчал. – У нас нет даже образцов для анализа. Наркотик совершенно новый.

– Совершенно новый «стим» и хорошо забытые таблетки, – протянул Шведов. – Одни и те же люди?

– Почему нет? – пожал плечами Бурцев.

Федотов сидел как оплеванный. Корнилов, до этого практически не подававший признаков жизни, перегнулся через стол, взял пакетик с таблетками и начал лениво вертеть его в руке, словно пытаясь понять, из-за чего сыр-бор.

– Если выяснится, что информаторы были правы, – тихо сказал Шведов, – и в Москве действительно работает подпольная фабрика, налогоплательщики с нас шкуру спустят.

При достаточно развитой фантазии можно было услышать скрип кресла, закачавшегося под начальником Управления

по борьбе с наркотиками.

– И все равно мне трудно поверить, что кто-то решился создать производство у нас под носом, – проворчал Федотов.

Его резоны в принципе были понятны: подразделение считалось самым жестким из всех аналогичных структур страны. И самым умелым. Операции, подобные разгрому питерской и варшавской фабрик, были обыденными: спецы Федотова славились умением проследить цепочку любой длины и никогда не ограничивались арестами распространителей. Создание подпольной фабрики в Москве полковник мог расценить только как личное оскорбление.

– Если кто-то пошел на создание производства, – продолжил свою мысль начальник Управления по борьбе с наркотиками, – то он наверняка заручился поддержкой одной из местных группировок.

Теперь все посмотрели на Корнилова. Андрей бросил пакет с таблетками на стол, снова откинулся на спинку стула и согласился:

– Наверняка.

– И что? – буркнул Федотов.

– Попробую навести справки, но думаю, отыскать следы будет трудно. – Майор покопался в кармане, вытащил зажигалку, вспомнил, что курить нельзя, и раздраженно крутанул колесико. – Учитывая затраты, которые необходимы для создания подпольной фабрики, понятно, что ее ставят надолго. Это не фасовочная лаборатория, а производство,

которое должно окупиться. Значит, системы безопасности для нее предусмотрены самые надежные. Я думаю, что непосредственно изготовление курирует самостоятельная команда, которую «крышует» одна из московских группировок, но взаимодействие между ними осуществляется на самом высоком уровне. По крайней мере, ни один из моих информаторов ничего о фабрике не знает.

– Пойдем по цепочке, – подал голос Федотов. – Не впервой. Рано или поздно доберемся.

– Или они сами допускают ошибку, – негромко добавил Корнилов.

* * *

складской комплекс компании «ЦентрМедПереработка»

Москва, Проектируемый проезд, 30 июля, понедельник, 10:12

Со времен работы в закрытом институте в должностных обязанностях Геннадия Прокопьевича Монастырева не произошло существенных изменений. Все так же не обласканный научными степенями, званиями и известностью, он по-прежнему занимался любимой фармакологией, правда, с практическим уклоном. Теперь в ведении Геннадия Прокопьевича находились не только научные исследования, но и производство, что подразумевало и составление смет, и под-

готовку персонала, и контроль качества, и... Новая должность Монастырева только называлась «директор департамента изысканий», заниматься приходилось многими вопросами, но Геннадий Прокопьевич не жаловался. Платили в «ЦентрМедПереработке» отменно, и если бы не некоторые детали, то можно было бы с уверенностью сказать, что жизнь удалась.

А о деталях Монастырев предпочитал не задумываться.

– Как вы себя чувствуете, Виктор?

Геннадий Прокопьевич бросил на подопытного быстрый, внимательный взгляд. Ответом послужило невнятное бормотание.

– Повторите, пожалуйста.

Виктор, сидящий на стуле угрюмый, плохо выбритый мужчина лет тридцати, одетый в тонкий серый комбинезон, сглотнул и нехотя проворчал:

– Когда ханка будет?

– Начиная с субботы подопытные требуют «стим» два раза в день, – деловито сообщил Монастыреву ассистент. – Сначала мы отказались увеличить им дозу, и к вечеру у всех испытуемых было констатировано состояние наркотической абстиненции.

Виктор, внимательно прислушивавшийся к разговору, но ни понимавший ни слова, недовольно скривил рот:

– Какие мы тебе гомики, сука? Не было ничего такого! – Что именно он понимал под словом «абстиненция», оста-

лось загадкой.

Монастырев поморщился: интеллектуальный уровень подопытных оставался крайне невысоким. Опять отличия в деталях: в институт для экспериментов присылали уголовников, а в лабораториях «ЦентрМедПереработки» предпочитали бродяг. Впрочем, Геннадий Прокопьевич с трудом улавливал разницу между этими понятиями, ведь обе социальные группы находились за пределами общества, а увлеченный наукой Монастырев даже в структуре государственной власти разбирался с большим трудом. Единственное, что для него было по-настоящему важно, так это наличие среди подопытных представителей трех типов: относительно здорового человека, насколько может быть здоровым бродяга, алкоголика и наркомана со стажем. Мужчина, сидящий перед ним сейчас, относился к третьему типу: он давно подсел на героин и до вынужденного прихода в большую науку промышлял на московских вокзалах мелкими кражами.

– Скажите, Виктор, – любопытствовал Монастырев, – ломало вчера сильно?

Испытуемый снова скривился:

– Сильно. Я-то еще привычный, бывало, и сильнее крутит, а вот Васильевичу совсем плохо было. – Внезапно в глазах Виктора мелькнул страх. – Слышь, хозяин, а ханку нам еще дадут?

– Мы попробовали снять синдром метадоном, – негромко добавил ассистент, – но их организмы требовали «стим».

Реакция была неожиданной: признаки абстиненции усилились, у всех подопытных наблюдались обильная рвота, резкое повышение температуры, а самый старший даже потерял сознание. После этого я распорядился дать еще по одной дозе «стима».

– Вы поступили правильно, – кивнул Монастырев. – Мы не можем позволить себе потерять подопытных. Исследования вступают в самую интересную фазу. – Он замолчал, рассеянно почесал кончик носа и усмехнулся: – Значит, им нужен только «стим»...

Холодные пальцы Геннадия Прокопьевича задрали веко Виктора, и Монастырев внимательно изучил голубые глаза испытуемого.

– Странно.

– Что-то не так? – Ассистент отвлекся от своих записей.

– Да нет, все нормально, – медленно ответил Монастырев.

Зрачок Виктора приобрел золотистый оттенок. В пятницу, когда Геннадий Прокопьевич осматривал подопытных в последний раз, этого странного блеска не было.

«Из-за «стима»?»

– Сегодня вечером вместо «стима» дадим героин, – решил Геннадий Прокопьевич. – Обязательно предупредите меня перед уколами: я хочу лично наблюдать реакцию.

– Думаете, она будет такой же? – прищурился ассистент.

Монастырев помолчал, затем слегка улыбнулся:

– Возможно.

Ассистент покачал головой:

– Вы понимаете, что это значит?

– Не хуже вас, молодой человек, не хуже вас. – Геннадий Прокопьевич отошел к стене. – Возьмите у Виктора и у всех остальных кровь на анализ.

– А мне дадут ханку? – снова подал голос испытуемый.

– Безусловно.

«Что же за золотистый блеск?»

С тех пор как его выгнали из института, в жизни Геннадия Прокопьевича Монастырева случалось всякое. Первые после увольнения дни запомнились постоянным, гнетущим страхом. Монастырев не мог есть, пить, даже передвигаться. Голодный, немый, он в полной прострации неподвижно лежал на диване, ожидая, что вот-вот распахнется дверь и невыразительный, как и сам Геннадий Прокопьевич, человек в штатском устало предложит ему проследовать в тюрьму. Шутка сказать – такое ЧП! В ночных кошмарах Монастыреву снились обколотые «ратником» уголовники, громившие лабораторную зону. Безумные глаза, оскаленные рты и, самое главное, нечеловеческие сила и скорость. Шесть убитых охранников, уничтоженное оборудование, исчезновение ценнейших записей... Взбунтовавшиеся бандиты подожгли третий этаж института, вырвались во двор, но там их уже

ждала вызванная по тревоге комендантская рота.

Длинные автоматные очереди Геннадию Прокопьевичу тоже снились. Что происходило во дворе института, он только слышал, но позже, когда сотрудников выводили из здания, Монастырев успел разглядеть, как хмурые солдаты окатывали асфальтовый пяточок мощной струей воды из пожарного рукава.

А неприметный серый фургон, в который грузили покрытые синими татуировками тела, уехал еще раньше.

Возможно, Геннадию Прокопьевичу удалось бы выкрутиться и на этот раз: в конце концов, бунт уголовников стал возможен исключительно благодаря «ратнику», и результаты, которые этот препарат показал, превзошли самые смелые ожидания. Но тщательное исследование тел подопытных вновь подтвердило ускоренный процесс старения. «Ратник» насиловал организм уголовников и не случись бунта, они бы умерли от старости в течение двух-трех дней.

Это была катастрофа.

Тем не менее за Монастыревым никто не пришел: перепуганное руководство института приложило максимум усилий, чтобы спустить дело на тормозах, и не тронули никого. Поняв, что следствие ему не грозит, Геннадий Прокопьевич попытался устроиться на работу – надо было налаживать новую жизнь, – но скоро понял, что в качестве прощального подарка бывшие работодатели выписали ему «волчий билет». Монастырева не брали ни в один институт, ни в одну

лабораторию, он не мог устроиться даже провизором в провинциальную аптеку – негласный запрет на деятельность, даже близкую к прежней профессии. А вскоре империя развалилась, и Геннадий Прокопьевич окончательно перестал понимать происходящее. Жизнь превратилась в унылую череду одинаковых серых дней, ведущих в никуда. Ее единственным смыслом был поиск пропитания. Монастырев брался за любую работу: торговал газетами, подрабатывал грузчиком в магазине, разносил рекламные буклеты и до сих пор удивлялся, как получилось, что он не спился. Тем не менее о самоубийстве Геннадий Прокопьевич подумывал, но... не успел.

Езас Раймондович Крысаулас отыскал Монастырева на барахолке, в которую после развала империи на некоторое время превратился знаменитый на весь мир олимпийский стадион «Лужники» и где бывший заведующий сектором секретного научного института брал уроки мелкой торговли у полуграмотного азербайджанца. Появление энергичного и богатого владельца крупной медицинской компании, который выразил глубокую заинтересованность в услугах опытного ученого, Монастырев расценил как чудо и, ни секунды не колеблясь, принял сказочное предложение. На голову Геннадия Прокопьевича неожиданно свалилось все, о чем он только мог мечтать: собственная лаборатория, невероятный доход – за один месяц Монастырев заработал столько же, сколько за полтора предыдущих года, и самое главное – воз-

возможность заниматься любимой наукой. Те задачи, которые первое время ставил Крысаулас, Монастырев решал на лету, всюду используя свободное время для собственных изысканий. Геннадий Прокопьевич мечтал модернизировать «ратник», создать наконец идеальный стимулятор, но у Езаса Раймондовича были свои соображения насчет нового подчиненного.

Три месяца Крысаулас приглядывался к Монастыреву, и в один прекрасный день предложил разработать план производства нового препарата. Маленьких таблеток с вытисненным на них смешным изображением кролика. В те времена «экстази» только входил в моду, но энергичный Езас Раймондович был уверен, что у этого наркотика большое будущее. И не ошибся. Крысаулас вообще редко ошибался и в бизнесе, и в людях.

Известие о том, что основным видом деятельности компании «ЦентрМедПереработка» является производство синтетических наркотиков, Монастырев воспринял достаточно спокойно. Он хорошо помнил и «волчий билет», и развал империи, и пьяных грузчиков, и поучения азербайджанца, и многие другие ситуации, которые ему довелось пережить. Общество не смогло обеспечить ему нормальную жизнь, и Геннадий Прокопьевич без колебаний ответил обществу встречной любезностью.

Разработанный Монастыревым план производства «экстази» давал десять процентов экономии по сравнению с ми-

ровыми аналогами, а учитывая то, что Крысауласу не приходилось тратить на транспортировку, он мог предложить дилерам настолько низкие цены, что меньше чем за месяц стал монополистом в этом сегменте московского рынка. Выросли и производственные возможности компании. По заданию Крысауласа Геннадий Прокопьевич запустил производство целого ряда синтетических наркотиков, по-настоящему увлекся этой областью фармакологии и теперь готовился к производству своего собственного детища – «стима», принципиально нового синтетического наркотика, не имеющего аналогов в мире. Этот препарат был прямым наследником «ратника» – Монастырев не мог отказаться от старых идей.

«Откуда же у него этот золотистый блеск? Что могло дать такую странную реакцию?»

Монастырев снова подошел к Виктору, молча поднял ему веко и еще раз осмотрел глаз: блеск не проходил. Казалось, что где-то в глубине зрачка испытателя разгорается золотистый пожар.

– Что-то не так? – поинтересовался ассистент.

– Нет, все в порядке, – пробормотал Геннадий Прокопьевич. – Мне нужны результаты анализа крови как можно быстрее, и еще...

– Да?

Монастырев провел рукой по волосам:

– Как вы оцениваете физическое состояние подопытных?

Молодой человек пожал плечами:

– Как совершенно удивительное, Геннадий Прокопьевич.

Испытуемые демонстрируют поразительное здоровье: у них улучшился аппетит, замечательный сон, вообще нервная система, которую, по идее, наркотик должен был поразить в первую очередь, в полном порядке. Единственная аномалия, которую я наблюдаю, – это стойкая зависимость от «сти-ма». – Ассистент с уважением посмотрел на Монастырева. – Я уверен, Геннадий Прокопьевич, что ни один врач не назовет наших подопытных наркоманами.

– Пока не увидит ломку.

– Да, пока не увидит ломку, – согласился ассистент. – В остальном эти люди вполне нормальны.

«Миллионы, – Монастырев, пытаясь скрыть волнение, опустил руки в карманы белоснежного халата, – миллионы! Два, максимум три приема и абсолютно здоровый человек полностью наш! При этом он сохраняет все производительные функции... Откуда же взялся этот золотой блеск?»

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул массивный охранник в черной форме:

– Геннадий Прокопьевич, вас вызывает Езас Раймондович.

– Нет, я считаю, что мы вернулись вовремя, – спокойно произнес Крысаулас. – Часть товара мы все равно будем отправлять по твоим каналам в регионы, но ты должен понять: Москва – необъятный рынок, испытывающий потребность в нашей продукции. В конце концов, я должен развивать производство или нет? – Езас Раймондович помолчал, затем улыбнулся: – Да, повышенные обязательства. Я рад, что мы понимаем друг друга. Увидимся.

Он положил трубку и посмотрел на Монастырева.

– Извините, Геннадий Прокопьевич.

– Ничего страшного.

Крысаулас потер руки.

– Что же, ваш доклад о состоянии производства меня впечатлил.

По-русски Езас Раймондович говорил очень правильно, четко выговаривая каждую букву, грамотно ставя ударения, но эта академическая точность лучше всякого акцента указывала на то, что русский не был для Крысауласа родным.

– Хочу добавить, Геннадий Прокопьевич, что разработанный вами «стим» очень благожелательно принят на рынке, и мы планируем уже в этом квартале перейти к его производству в промышленных масштабах. Соответственно, ваша личная премия, Геннадий Прокопьевич, существенно воз-

растет.

– Очень рад, – скупо поблагодарил босса Монастырев.

Рабочий кабинет Крысауласа был подчеркнута аскетичен: два заурядных стола, письменный и длинный, для совещаний, недорогие кресла и скромная, не привлекающая внимания картина Пикассо на стене. Разумеется, подлинник. Езас Раймондович не стремился к показной роскоши и не бравировал богатством. Так его воспитали.

Карьера Крысауласа начиналась незадолго до распада империи. В те времена Езас, второй сын третьего секретаря провинциального прибалтийского «кома» правящей партии, занимал непыльную и сытную должность первого заместителя старшего помощника начальника отдела Панамского перешейка в Институте Центральной и Южной Америки. Подобная синекура в биографии любого человека означала: либо небольшую паузу, позволяющую запасть необходимыми связями перед гигантским прыжком вверх, либо ссылку. Крысаулас был молод, честолюбив, поэтому всей душой рассчитывал на первый вариант. Он старательно дружил с руководством, обзаводился полезными знакомствами, но крушение империи едва не поставило крест на его планах. После распада Союза Езас быстро сообразил, что для толкового человека открываются огромные возможности и сделал правильный выбор, примкнув к одному из либеральных движений. Толковые речи молодого демократа привлекли внимание. Искренний пыл, задор и политическая зрелость быстро

сделали сына третьего секретаря депутатом Верховного Совета. У Крысауласа появились влияние и харизма стойкого демократа, он не лез в нефтяные разборки и аферы с кредитами, и считался честным политиком, что позволило ему раз за разом переизбираться в парламент. Он умел хорошо говорить, и никто не задумывался, откуда у него деньги.

– Кстати, Геннадий Прокопьевич, а почему мы до сих пор не избавились от подопытных?

Вопрос был задан вскользь, но серые глаза Крысауласа внезапно похолодели. Впрочем, Монастырев был уже совсем не тем запуганным завсектором, что несколько лет назад.

– Я счел необходимым продолжить наблюдения, Езас Раймондович.

– Вы что-то подозреваете? – ровным голосом осведомился Крысаулас. – Вы обнаружили что-то, способное расстроить наши планы?

Монастырев покачал головой:

– Ни в коем случае, Езас Раймондович. Просто у «стима» нет аналогов. Я делал его, основываясь на своих старых опытах, давних, уникальных разработках, и мне нужно понять весь механизм воздействия препарата на организм человека.

– «Стим» дает кайф? – поинтересовался Крысаулас.

– Да.

– Он вызывает привыкание?

– Да.

– Он вызывает ломку?

– Да.

– Тогда что вам еще проверять?

Монастырев улыбнулся:

– Я хочу знать, к чему приведет человека употребление «стима».

– К смерти, разумеется. – В голосе Крысауласа мелькнули веселые нотки. – Разве это не очевидно?

– Не факт, – поднял указательный палец Геннадий Прокопьевич, – совсем не факт. У всех подопытных наблюдается улучшение общего состояния: прекрасный аппетит, прекрасный сон. Никаких расстройств, в том числе и половых. Более того, один из подопытных, наркоман, сидевший на героине и ставший из-за этого полным импотентом, теперь...

– Избавьте меня от подробностей личной жизни этих отбросов, – выставил перед собой ладони Крысаулас. – Вы что, Геннадий Прокопьевич, хотите сказать, что наш «стим» – лекарство?

– Все гораздо лучше, Езас Раймондович. – Монастырев придвинулся ближе к боссу. – «Стим» обладает всеми свойствами наркотика. Но при этом не оказывает губительного воздействия на организм.

– Ломка есть, – Крысаулас тоже подался навстречу ученому, – а разрушения нервной системы нет?

– Вот именно! – воскликнул Монастырев. – «Стим» не станет причиной смерти! Человек сможет жить и работать до старости и все это время будет покупать «стим». И толь-

ко «стим», потому что... – Геннадий Прокопьевич выдержал паузу. – Потому что, Езас Раймондович, «стим» вызывает привыкание только к себе!

– Что?

– Ломка снимается лишь после приема новой дозы «сти-ма»! – Монастырев торжествующе посмотрел на босса. – Теперь вы понимаете, насколько я был прав, что продолжил наблюдения?

– Если это действительно так... – Крысаулас вскочил и нервно прошелся по кабинету. – Если это так... Вы представляете, что это значит?

– Миллионы, – спокойно произнес Монастырев. – Нет. Миллиарды. Подобный наркотик не может стоить дешевле.

– Продолжайте исследования, Геннадий Прокопьевич. – Возбужденный Крысаулас вернулся в кресло. – Если ваши подозрения подтвердятся, то... – Он развел руками. – Мы будем не просто обеспечены – мы будем неуязвимы. Ни одно правительство не рискнет преследовать нас, напротив, они будут умолять продать им лицензию на производство «сти-ма». – Крысаулас помолчал. – Ведь это не наркотик, Геннадий Прокопьевич, это инструмент власти.

* * *

офис компании «Неприятные ощущения»

Москва, улица Большая Лубянка, 30 июля, понедель-

ник, 10:15

Самый большой супермаркет Торговой Гильдии, краса и гордость богатейшей организации, практически монополизовавшей все торгово-финансовые операции Тайного Города, располагался в центре Москвы, на Большой Лубянке. Официально, то есть для обычных жителей столицы, магазин занимал лишь первый этаж, в залах которого были выставлены классические для любого современного супермаркета товары: продукты, вина, деликатесы и разная бытовая мелочевка. Благодаря удачному расположению магазин делал неплохой оборот, но основную прибыль владельцы получали от других торговых площадей, расположенных на остальных этажах и предназначенных исключительно для обитателей Тайного Города. Здесь можно было купить все, начиная от наперстков и заканчивая спутниками связи – интересы семьи Шась, основателей Торговой Гильдии, не имели границ. Но самое главное, здесь торговали магией, магическими артефактами, созданными в Тайном Городе, и оказывали любые услуги его жителям. А верхние этажи оборотистые шасы превратили в бизнес-центр, сдавая офисы только тем фирмам, которые были так или иначе связаны с Тайным Городом. В том числе и неприметной компании, основным видом деятельности которой, как следовало из устава, был экстремальный туризм.

– Значит, «Неприятные ощущения», – повторил Кортес, стоя посреди самой главного зала.

Широкоплечий, с коротким ежиком каштановых волос и холодными глазами, он, несмотря на то что не был магом, считался лучшим наемником Тайного Города и возглавлял небольшую, но весьма эффективную команду. Последние несколько недель Кортес и Яна провели вдали от Москвы, наслаждаясь бездельем под пальмами нецивилизованных островов, и вернулись оттуда этой ночью. Оказавшись в столице, они с удивлением узнали, что за время их отсутствия Артем, третий член команды, ухитрился организовать легальную фирму и снять офис в одном из самых дорогих бизнес-центров Тайного Города. Дело в общем-то не стоило и выеденного яйца: при выполнении контрактов Кортес регистрировал в год десятки фирм и снимал десятки офисов. Но Биджар Хамзи, управляющий супермаркетом и зданием в целом, успел раструбить на весь Тайный Город, что отныне лучшие наемники снимают у него помещение, и это вызвало недовольство Кортеса.

– По-моему, весьма подходящее название для фирмы, специализирующейся на экстремальном туризме, – заметил Биджар. – Остроумное.

– И хорошо отражает мое мнение на этот счет, – добавил Кортес и покосился на Артема. – Что скажешь?

Молодой человек уныло вздохнул:

– Я ведь говорил, для чего мне потребовался офис. Инга сказала родителям...

– Если для знакомства с будущей тещей тебе потребова-

лось легальное прикрытие, мог бы снять помещение на неделю, – проворчал Кортес.

– На неделю вышло бы дороже, – тут же встрял Биджар. – В абсолютных ценах, разумеется.

– На неделю ты бы сдал его бесплатно, – перебил Кортес шаса. – В рекламных целях. А вместо этого Артем согласился на кабальную годовую аренду.

– На очень выгодных условиях, – пробурчал Биджар. – Ты прекрасно обучил юношу выкручивать деловым партнерам руки.

– Позволил себя закабалить да еще согласился приплачивать его пройдохам-бухгалтерам. О чем ты думал, Артем? Зачем нам...

– А мне здесь нравится! – В дверях одной из маленьких комнат офиса, выходящих в главный зал, появилась Яна. Высокая, стройная, ослепительно красивая брюнетка с огромными ярко-синими глазами, она не спеша прошла мимо мужчин, провела рукой по письменному столу и улыбнулась Артему: – Хороший офис. И мебель хорошая. Нам давно пора завести приличную контору, а не шептаться с клиентами по кабакам и подворотням.

– Яночка, ты просто чудо! – оживился Биджар. – Именно это я говорил Артему, когда убеждал его снять офис на год.

И носатый шас перевел хитрые черные глаза на Кортеса. Учитывая отношения между наемником и очаровательной брюнеткой, мнение Яны могло стать решающим.

Кортес плюхнулся в глубокое кожаное кресло, задумчиво посмотрел на девушку, затем на Артема, потянулся и вытащил из кармана телефон:

– Сегодня я получил интересное сообщение: «Бухгалтерская компания «Хамзи Баланс» имеет честь предложить...», ну, дальше ненужные подробности... Вот! «В числе наших клиентов самые именитые жители Тайного Города, а с недавнего времени даже Кортес, лучший наемник, предпочитает пользоваться услугами наших специалистов. Делайте правильный выбор!»

– Неужели ты против того, что тебя называли лучшим? – невинно спросил Биджар.

– А утром по каналам «Тиградком» шла реклама твоего бизнес-центра, где тоже упоминалось мое имя.

– Это деловые мероприятия, – осторожно заметил шас. – Реклама – двигатель, так сказать, паровоз продаж.

– Но я не уголек для топки, – отрезал Кортес. – Другими словами, если ты намерен и дальше эксплуатировать мой светлый образ в своих махинациях, то нам придется по настоящему обсудить цену аренды. Счет, который ты выставил Артему, катастрофически велик. Хочешь нас закабалить?

Яна и Артем весело переглянулись: Кортес сломался!

– Цена очень хорошая для офиса в центре города, – проворчал Биджар, – и...

– Цена приличная, не спорю, – усмехнулся наемник. – Но она не учитывает мои расходы на рекламу.

– Можем обсудить скидки на первый год...

– Не скидки, а новую цену. В два раза меньшую, чем сейчас.

– Это грабеж!

– И передай бухгалтерам, что к ним это тоже относится.

– Кстати, Томба как раз рекламирует свой новый бизнес-центр, – добавила Яна.

– Максимум, на что я могу пойти, это уменьшить аренду на десять процентов, – недовольно пробубнил Биджар.

– На сорок.

– У вас еще четыре места в подземном гараже!

– А почему так мало?

– Меньше на пятнадцать процентов.

– На тридцать пять!

– А у вас действительно неплохо, господа! Прекрасный офис.

Присутствующие дружно повернулись на голос. В дверях стоял высокий черноволосый мужчина в элегантном белом костюме.

– Доброе утро!

– Господин комиссар! – Биджар приветливо заулыбался. – Какими судьбами?

– Услышал, что Кортес снял офис в вашем бизнес-центре, и не смог удержаться, чтобы не посмотреть. – Сантьяга перевел взгляд на наемника. – Насколько я помню, Кортес, вы всегда были противником излишеств.

– Все меняется, – проворчал тот.

– Это к лучшему, – серьезно заметил комиссар. – Уверен, клиентам понравится рассказывать о своих проблемах в солидном помещении.

– А я что говорил? – добавил Артем.

Кортес махнул рукой.

– Может, заодно навестите супермаркет? – взял быка за рога Хамзи. – У меня появилась масса интересных новинок.

– Может быть, – вежливо кивнул Сантьяга.

– Вот видишь, Биджар, – немедленно среагировал Кортес. – Одно мое имя привлекает к тебе новых покупателей! Так что радуйся, что я еще не требую доли от доходов твоего магазинчика.

– Не сомневаюсь, что эта мысль приходила тебе в голову, – сварливо заметил Хамзи. – Я подумаю насчет скидок.

– Не скидок, Биджар, а новой цены.

– Кажется, я не совсем вовремя, – улыбнулся Сантьяга.

– Мы уже закончили, комиссар, извините.

Кортес посмотрел на управляющего, который безмятежно разглядывал дорогой костюм Сантьяги, не выражая ни малейшего желания покинуть помещение. Любопытство было еще одной семейной чертой шасов, и Хамзи буквально сочился желанием разнюхать, для чего комиссар явился в офис наемников.

– Мы закончили, – мягко повторил Кортес. – И ты, Биджар, увы, собирался нас покинуть.

– Как жаль, – в тон ему произнес Сантьяга.

– Простите, господа, я очень спешу. – Хамзи медленно поднялся и уныло поплелся к выходу. – Комиссар, жду вас в супермаркете. Вы обещали.

– Я помню.

Двери закрылись.

– Прекрасный офис, – снова одобрил Сантьяга, расположившись в глубоком кресле напротив Кортеса. – Яна, это была ваша идея?

– Артема.

– Артем, вы молодец.

– Благодарю вас, комиссар.

Кортес засопел.

– А теперь, – продолжил Сантьяга, – я бы хотел перейти к сути визита. У меня есть контракт... Надеюсь, вы не связаны никакими обязательствами?

– Вы же знаете, комиссар, что для вас мы всегда свободны.

– Приятно слышать. – Сантьяга помолчал. – Но вынужден вас огорчить, Кортес, мероприятие, которое я планирую осуществить, крайне простое и не требует серьезных усилий. Соответственно и оплата контракта...

– Будет всего лишь по обычным расценкам, – плавно закончил наемник.

– Может, поговорим о скидках? – осведомился нав.

– Я бы с удовольствием, комиссар, но мы на грани разорения, – горько вздохнул Кортес. – Приобретение офиса,

а также непомерные расходы на его содержание съели всю прибыль.

– Я помню выражение лица Биджара, когда вы обсуждали с ним расходы на содержание офиса, – усмехнулся Сантьяга. – Впрочем, я согласен с вашими условиями.

Комиссар оглядел комнату и вопросительно поднял брови.

– Помещение надежно, – понял его наемник. – Я проверил. Можно говорить абсолютно свободно.

– Чудесно. – Теперь Сантьяга окончательно перешел на деловой тон. – Мне нужно, чтобы вы осуществили проверку системы безопасности плантаций Золотого Корня.

– Далеко же вы решили нас отправить, – пробормотал Артем.

– Далеко, – согласился комиссар. – Но мне необходимо осуществить квалифицированную инспекцию хванов.

Артем имел довольно смутные представления о Золотом Корне, которые ограничивались тем, что выращивание этого редкого и запрещенного к свободной продаже растения было одним из двух бизнесов семьи Хван. Вторым видом деятельности были заказные убийства. Четырехрукие хваны считались лучшими киллерами в Тайном Городе, даже навывы с большим уважением относились к их боевым качествам, так что расположенные на Алтае плантации Золотого Корня считались надежно защищенными. Или уже нет?

– Имели место случаи контрабанды? – поинтересовался

Кортес.

– Пока нет, – покачал головой Сантьяга. – Имеют место подозрения.

– Тогда почему инспекция поручена нам?

Для проверки систем безопасности плантаций логично было бы отправить боевого мага высшего уровня – обычным грабителям там точно ничего не светило.

– В том-то и дело, что посылать туда мага бессмысленно, – пояснил комиссар. – Я лично руководил построением охранных сетей и уверен, что мага любого уровня хваны засекут за сотню миль. Кроме того, подобная проверка проводилась меньше года назад: Великие Дома направили на Алтай воеводу дружины Дочерей Журавля, и хваны взяли ее с поличным.

– Молодцы, – оценила Яна.

Дружина Дочерей Журавля считалась элитой боевых сил Зеленого Дома, и раз четырехрукие сумели обезвредить саму воеводу, их защитные системы действительно были великолепны.

– Кажется, после этого она подала в отставку, – припомнил Артем.

– И ее место заняла Милана, – подтвердил нав. – Но мы не об этом. Сейчас меня интересует следующее: возможна ли ситуация, при которой группа самых обыкновенных челов проникнет на плантацию и соберет урожай, оставив хванов в блаженном неведении.

– Без использования магии, – уточнил Кортес.

– Никакой магии.

– Какое количество корешков мы должны принести?

– Если сумеете унести оттуда ноги, будет достаточно любого количества, – развел руками комиссар. – Главное для меня – убедиться в принципиальной возможности хищений.

– Понятно.

Сантьяга улыбнулся:

– Понимаю, что задание простенькое, но должен же я дать вам возможность поправить дела после приобретения нового офиса. Вы согласны с условиями контракта?

– Разумеется.

– Значит, мы договорились, – подвел черту комиссар. – Контракт заключен, и ваши жизни будут залогом его исполнения.

Это была стандартная формула заключения договоров с наемниками. Сантьяга поднялся с кресла:

– Кортес, жду отчет послезавтра, надеюсь, вам хватит времени на проведение столь несложной операции?

– Вне всяких сомнений, – кивнул наемник.

– Вот и славно. До свидания, господа. – Комиссар направился к выходу. – Еще раз хочу заметить, что у вас прекрасный офис.

– Рад, что он так сильно понравился вам, – проворчал Кортес.

Когда за Сантьягой закрылась дверь, наемник тоже поки-

нул кресло и задумчиво прогулялся по прекрасному офису.

– Не слишком ли пустяковое дело для комиссара Темного Двора? – подал голос Артем. – Чтобы заказать проверку системы безопасности плантаций, хватило бы одного звонка кого-нибудь из его помощников.

– И звонил бы он не нам, а более дешевым наемникам, – поддержала молодого компаньона Яна.

– Комиссар не хочет огласки, – медленно протянул Кортес.

– Он никогда не хочет огласки, – пожал плечами Артем. – Он же нав.

– Да, он нав, – не стал спорить Кортес и посмотрел на компаньона: – Артем, займись организацией поездки: билеты, снаряжение, но только тихо.

– Разумеется.

– Никогда не была на Алтае. – Яна достала из сумочки тюбик губной помады и зеркальце.

– Тогда проведем там следующий отпуск, – хмыкнул Кортес.

– То есть я не еду? – Помада замерла в воздухе.

– Я хочу, чтобы ты подняла всю доступную информацию по Золотому Корню: историю, текущее состояние дел, в общем, все подробности, – приказал Кортес. – Было бы неплохо понять, что именно взволновало Сантьягу.

Девушка прищурилась:

– И подумать, как можно заработать на предполагаемом

кризисе?

– Совершенно верно! – радостно воскликнул Артем. – Как еще могут заработать честные наемники?

– Никак, – негромко согласился Кортес и, подойдя к окну, рассеянно посмотрел на шныряющие по Большой Лубянке автомобили. – Сантьяга насторожен и явно озабочен.

– Даже наш офис похвалил три раза, – вспомнила Яна. – Обычно за ним не наблюдается такой рассеянности.

– Какого же зверя он ждет?

* * *

Его подняли в самом дальнем уголке Глубокого Бестиария, совсем недалеко от линии, где мраморное небо сходится с черной землей, порождая бесконечный, не стихающий ни на мгновение ветер. Его подняли, значит, он нужен, но по тому, что его подняли одного, да еще так далеко от замка, Ктулху понял, что это не Возвращение. Понял что мечта, с надеждой на которую он рассыпался в пыль Бестиария, пока не осуществилась: Великий Господин не вернулся.

Горе было настолько сильным, что захотелось выть. Тоскливо, безнадежно, как выли пленники, медленно умирающие во имя благодатной ненависти Азаг-Тота. Ктулху лучше всех знал этот вой, ибо он был Погонщиком рабов, палачом и надсмотрщиком Великого Господина и именно его бич вырывал из их души пронзительный вой. Но Ктулху ни-

когда не думал, что сам захочет его повторить.

Он уселся на землю и угрюмо подбросил вверх горсть черной пыли, мрачно наблюдая за тем, как ее микроскопические частицы, несмотря на пронзительный ветер, медленно возвращаются обратно.

– Ктулху, ты мне нужен!

Погонщик рабов узнал раздавшийся из-под сводов мраморного неба голос – это был Носящий Желтую Маску, правая рука Великого Господина.

Неподалеку от Ктулху в землю ударила еще одна молния, и завертевшаяся вокруг воронки пыль сформировала Нерга – закאתную саранчу, его ездовое животное.

– Ты мне нужен.

Ктулху поднялся с земли, подошел к недоуменно хрипящему Нергу и ласково провел ладонью по его панцирным пластинам:

– С возвращением.

Саранча повела головой, один из ее огромных фасеточных глаз уставился на хозяина, а длинные задние лапы нетерпеливо заерзали по черному песку.

– Соскучился... – Ктулху взобрался на спину Нерга, и шипы, которыми заканчивались ноги Погонщика, привычно скользнули в щель между панцирными пластинами, добравшись до спрятанного под ними мягкого тела. – Вперед, саранча! Вперед!!

И Нерг прыгнул, с легкостью преодолев около ста ярдов.

III

В самом центре Глубокого Бестиария, в точке, где мраморное небо было максимально удалено от черной пыли, а яростный ветер не так сильно трепал невысокие дюны, возвышались двадцать башен замка Кадаф, резиденции Азаг-Тота, Великого Господина Гипербореи. Сейчас пустыющей.

Ктулху прекрасно помнил времена, когда острые шпили замка упирались не в мраморное небо Глубокого Бестиария, а черными иглами тянулись к ослепительному солнцу, горделиво вырисовываясь на фоне причудливых облаков. Времена, когда гиперборейцы в союзе с другими магическими кланами безжалостно крушили Великие Дома, отвоевывая для людей Землю и слава северных монстров опережала страх, который они внушали.

Ктулху помнил.

А еще Погонщик рабов помнил, как этот страх превратился в ненависть, как вчерашние союзники заключили сделку с потрепанными, но все еще могущественными Великими Домами и как рушилась под ударами предателей Гиперборея. Ктулху помнил поля, усеянные трупами, Азаг-Тота, ведущего в бой последние легионы и замок, озаренный пламенем последнего пожара.

Ктулху помнил.

Для рассеянного в пыль Погонщика рабов не было време-

ни, и то, что по земному исчислению случилось тысячи лет назад, он помнил так, словно это произошло вчера. Великий Господин исчез, его верные воины пылью рассеяны по Глубокому Бестиарию, а замок, вечный замок Кадаф, подпирает мраморное небо, не позволяя ему рухнуть на то, что осталось от Гипербореи.

III

Ветер в этом месте действительно был слаб, напоминая лишь бледное подобие самого себя. Он не огибал замок, не разбивался о его неприступные стены, а плавно умирал, докатываясь до черного оникса легким, едва уловимым дуновением.

Ктулху осадил саранчу, прыгнул на землю, встал на колени и опустил лицо в черную пыль:

– Великий Господин, я испрашиваю разрешения нарушить покой твоего замка.

Несмотря на то что Азаг-Тота не было в Глубоком Бестиарии и он не мог видеть подданных, Ктулху скрупулезно выполнил ритуал посещения замка Кадаф. Он постоял на коленях положенное время, поднялся, сделал три шага и, вновь опустившись на колени, поцеловал землю. Теперь прозвучал гулкий голос Носящего Желтую Маску:

– Ты можешь войти!

Погонщик рабов сделал еще один шаг и оказался перед

гладкой стеной. Вблизи черный оникс уже не казался таким монолитным, как издали. Нет, он был таким же гладким и блестящим, он был камнем, но камнем живым, тихонько дышащим, охраняющим покой своего повелителя. Ктулху протянул руку и она плавно погрузилась в вязкую тьму стены. В замке Кадаф не было ворот, как не было коридоров, окон и дверей. Он представлял собой единый организм, и каждый, кто приходил в него, в буквальном смысле поглощался живым ониксом.

– Я жду! – нетерпеливо напомнил ключник.

Ктулху сделал шаг в стену и, чувствуя, как его тело растворяется в ониксовой твердыне, инстинктивно закрыл глаза. Он не любил это ощущение. Он боялся его. Погонщик рабов опасался, что однажды его тело навсегда останется растворенным в черных камнях замка, как это случилось с Ситри, и ветер будет играть с его стонами.

– Зря ты боишься отдать себя замку, – услышал Ктулху тихий смешок Носящего Желтую Маску ключника. – Ситри благодарит судьбу за то, что Великий Господин уготовил ему именно такую участь. В противном случае ветер играл бы не с его стонами, а с воплями ужаса.

Погонщик рабов вздрогнул: как он мог забыть, что, растворяясь в замке Кадаф, он открывает для его обитателей все мысли и страхи!

– Великий Господин мудр в своей ненависти к нам, – проворчал Ктулху и торопливо опустился на колени. – При-

ми мою покорность, Носящий Желтую Маску, посмейся над моим скудоумием и просвети, если сочтешь нужным, о причинах моего пробуждения.

В былые времена ключник замка не удостоивался таких почестей, но здесь, в Глубоком Бестиарии, в отсутствие Азаг-Тота, он был верховным иерархом Кадаф, имеющим право казнить и миловать по своему усмотрению. Так повелел Великий Господин.

Носящий Желтую Маску принял поднятого иерарха на открытой террасе Спаккской башни, названной так в честь горы Спакк, на которой Великому Господину сошло Озарение. Ключник, внимательно глядя на преклоненного Ктулху, стоял у балюстрады, и его маска, которой враги Гипербореи пугали своих детей, ничуть не изменилась с тех пор, как Погонщик рабов видел ее последний раз. Она полностью закрывала лицо ключника и имела лишь два небольших выреза для глаз. Два абсолютно черных выреза. А о том, что скрывал Носящий Желтую Маску под тяжелым пурпурным плащом и массивным золотым шлемом, не знал никто. Кроме Великого Господина.

– Поднимись.

Ктулху с готовностью выполнил распоряжение.

– Мне показалось, что ты устал, Погонщик рабов.

– Я устал не быть Погонщиком, – медленно, взвешивая каждое слово, ответил Ктулху. – Моя кровь бурлит и...

– Прибереги словеса для Господина, – бесстрастно обо-

рвал его Носящий Желтую Маску. – Он любит, когда ты мелешь языком.

– Прости.

Носящий Желтую Маску отвернулся и несколько мучительно долгих мгновений смотрел на черную поверхность Бестиария:

– Как тебе понравилось быть пылью, Погонщик?

Ктулху яростно скрипнул зубами, но взял себя в руки и постарался ответить с максимально сдержанной язвительностью:

– Было не так скучно, как пялиться на мраморное небо все это время.

– Великий Господин опасался, что обратная трансформация может привести к изменению его воинов, но я вижу, что этого не произошло, – с прежней бесстрастностью произнес ключник. – По крайней мере, ты остался таким же кретином, что и раньше.

Помимо маски, не изменилось и то, что она скрывала: ближайший помощник Азаг-Тота был высокомерен и презрителен, как и тысячи лет назад.

– Мудрость не всегда является залогом долгой жизни, – туманно ответил Ктулху, но тут же прикусил язык: Ситри тоже враждовал с Носящим Желтую Маску, и теперь его боевые заслуги вплавлены в черные стены замка Кадаф.

– Тем не менее, Погонщик, я решил даровать тебе шанс послужить Великому Господину, – продолжил ключник, не

обратив внимания на дерзость Ктулху. – При должной расторопности ты сможешь даже стать героем.

– Что я должен сделать?

– Отправиться на Землю.

– А-ха! – резко выдохнул Ктулху. – Ты смог открыть врата?

– В этом случае героем стал бы я, – невозмутимо ответил Носящий Желтую Маску. – Врата откроются извне.

– Великий Господин вернулся? – с надеждой поинтересовался Погонщик.

– Нет. – Золотой шлем ключника качнулся. – Господин по-прежнему томится в плену.

– В плену?!!!

– Со времени гибели Гипербореи прошло очень много времени, – пояснил Носящий Желтую Маску. – Об основных событиях я расскажу после, а сейчас главное. Я видел грядущее: будут открыты младшие врата – врата Нанна. Причем очень ненадолго. – Ключник помолчал. – Из всех старших иерархов Кадаф через эту щель сможешь выскользнуть только ты.

– Затем я открою следующие врата, – подхватил Ктулху, – и тогда...

– Если получится, – кивнул Носящий Желтую Маску, – но в этом я не уверен. Грядущее слишком изменчиво. В любом случае ты должен будешь сделать следующее...

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, улица Гольяновская, 30 июля, понедельник,

19:49

Это была типовая трехкомнатная квартира в безликом панельном доме, одном из тех, что сотнями строили в Москве в семидесятых годах прошлого века, не очень-то заботясь о том, как будут выглядеть лишённые лоска коробки на улицах столицы. Как и большая часть этих памятников массовой застройки, дом на Гольяновской медленно умирал. Некогда белые панели потемнели от времени, стекла в подъезде заменили кусками фанеры, а сам подъезд навсегда пропитался дивной в своей отвратительности смесью запахов грязи, испорченных продуктов и мочи. Причем за последний ингредиент отвечали не только собаки, которых нерадивые хозяева не успевали вовремя вывести на прогулку, и облюбовавшая подвал колония бродячих кошек, но также прыщавые подростки, упивающиеся пивом на площадке последнего этажа и бомжи, периодически забегающие в гостеприимно распахнутые двери подъездов. Но заселявший дом конгломерат случайных людей относился ко всему этому с уникальным безразличием. Некоторые, потому что расценивали свое пребывание на Гольяновской как временный факт, короткий этап перед переселением в более престижные райо-

ны, а другие, хозяйева собак и родители подростков, только умилялись, глядя на облегчившееся животное или на разри-сованный логотипами футбольных клубов лифт. Лифт, кста-ти, в этом году поджигали уже три раза.

Но когда-то, когда дом только отправлялся в свое пе-чальное плавание, семье Пономаревых остро завидовали: трехкомнатная квартира почти в центре столицы! Комнаты не смежные! Санузел отдельный! А кухня целых восемь ярдов! Пономарев-папа, служивший экономистом на воен-ном заводе, гордо надувал щеки, Пономарева-мама, кассир в большом универмаге, трясла хрустящим перманентом и на вопрос, как им удалось получить такое богатство, лишь зака-тывала глазки. Не рассказывать же, в самом деле, о крупной сумме, плавно перетекшей из сумочки мадам Пономаревой в карман заместителя председателя райисполкома, крупного партийного и хозяйственного деятеля городского масштаба?

Вероника была единственной дочерью пронырливых По-номаревых. Любимой. Ненаглядной. Был, правда, один неприятный момент: высокая черноволосая девушка с узким лицом, темными глазами и довольно длинным, прямым но-сом, была абсолютно не похожа ни на полного, щекастого отца, ни на светло-русую, курносую мать. В свое время это послужило поводом для грандиозного семейного скандала, но, на счастье, мадам Пономарева вовремя вспомнила о ба-бушке, которая тоже отличалась от остальных членов семьи. Извлеченная из старых альбомов фотография подтвердила

полное, можно даже сказать, уникальное сходство Вероники с прабабушкой и семейная лодка Пономаревых отправилась в дальнейшее плавание. Пономарев-папа, отбросивший мысли об адюльтере, принялся безоглядно баловать единственную дочь, которая, не зная ни в чем отказа, прекрасно научилась этим пользоваться. Вероникина комната была самой большой в квартире, Вероникины интересы – самыми главными, Вероникины желания – обязательными к исполнению. Пономаревы не спрашивали, куда она исчезает по ночам, и закрывали глаза на то, что вот уже третий год Вероника не может покинуть второй курс не самого престижного московского института.

Для них она была самой умной и самой красивой.

Девушка зажгла стоящую на трюмо свечу, подождала, пока огонек разгорится, подошла к окну и тщательно задернула плотные шторы. Проклятое летнее солнце никак не хотело исчезать за домами, дразнящими лучами проникало в московские окна и его озорной свет мешал Веронике. Теперь же в комнате установился необходимый полумрак. Девушка сняла с полки одну из книг, достала из нее фотографию улыбающегося молодого человека, нежно поцеловала ее, поставила рядом с зеркалом и присела на диван.

– Лешенька мой... – К горлу Вероники подкатил комок. –

Почему ты ушел?

Полгода без него. Полгода одиночества.

Лешенька Бурляев... Они познакомились на пляже в Серебряном Бору, когда Веронике было восемнадцать, а ему – двадцать четыре, и девушка сразу же попала под обаяние молодого человека. Лешенька был восхитительным юношей, тонким, чувственным, мечтательным, он окончил Литературный институт, был блестяще эрудирован и серьезно увлекался мистикой. Благодаря Лешеньке в комнате Вероники впервые появилась полка с книгами, правда, их подборка полностью отражала пристрастия Бурляева: «Молот ведьм» и Блаватская, Алистер Кроули и Еремей Парнов. Вероника не очень понимала заумные тексты этих томов, но ради своего друга могла бы прочитать даже «Войну и мир». Сам Лешенька писал стихи, и большинство из них Вероника помнила наизусть:

И, как подброшенный снаряд,
Огонь взметнулся к облакам,
И Сатаны настал обряд,
На радость преданным жрецам...

Замечательные, тонкие стихи. Вероника улыбнулась, но тут же нахмурилась.

«Почему мир несправедлив? Почему никто так и не понял, насколько гениален был Лешенька? Почему никто не оценил его талант? Все так жестоко! Холодно! Мир убил Ле-

шеньку! Мир заставил его сделать тот роковой шаг с крыши!»

О том, что, согласно официальному полицейскому заключению, Алексей Алексеевич Бурляев совершил самоубийство, находясь в состоянии сильнейшего наркотического опьянения, девушка не думала. Лешенька был замечательный! Гениальный поэт, первый любовник и первый... Именно он дал Веронике наркотик. Сначала простую травку, Лешенька еще в школе считался опытным «сенокосом», затем последовали «винт», солутан, а примерно за год до своей трагической гибели молодой человек впервые сделал любимой инъекцию героина.

Но «стим» был гораздо лучше.

«Жаль, что Лешеньке не довелось его попробовать!»

Вероника медленно поднесла к ноге одноразовый шприц – «чай, не дура, что такое СПИД, понимаем!» – выбрала вену и, тихонько ойкнув, сделала укол. Девушка уже давно не боялась самой процедуры, могла без содрогания смотреть, как быстро окрашивается кровью бесцветная жидкость в шприце, но по-прежнему тихо ойкала каждый раз, когда игла проникала в вену. Как будто в первый раз, с Лешенькой. Привычка.

– Хорошо.

Вероника выдернула шприц и блаженно откинулась на диванные подушки. «Стим» мягко обволакивал сознание, проникал в каждую клеточку тела, наполняя их восхитительным

трепетом, а мозг – изящными и причудливыми образами.

«Какой там «герыч», – пронеслось в голове девушки. – Он и рядом не валялся с этой прелестью».

Вероника немного полежала, давая возможность наркотику полностью овладеть ею, затем лениво потянулась и села перед зеркалом. Еще после самого первого приема «стима» девушка заметила, что действие нового наркотика резко отличается от любого другого препарата. «Стим» мог вызвать галлюцинации, а мог просто добавить бодрости, мог полностью расслабить, а мог моментально уйти, как это произошло два дня назад, когда родители некстати нагрянули с дачи. Не ожидавшая визита Вероника как раз вмазалась и с большим трудом услышала звук открываемой двери, но не успел из нее выветриться страх разоблачения, как девушка с огромным удивлением поняла, что полностью контролирует себя! «Стим», словно почувствовав неладное и прекратил действие! Более того, он наполнил тело девушки непередаваемой силой, энергией и удивительной легкостью! В «стиме» была заключена загадка, какая-то тайна, и Вероника собиралась ее разгадать. Именно сегодня! Родители вернулись на дачу, дверь в квартиру надежно закрыта, и она может делать все, что хочет.

Дрожащий огонек свечи был не в силах осветить все зеркало. Девушка посмотрела на фотографию.

– Лешенька, любимый мой, где ты?

Когда-то, вскоре после смерти друга, Вероника уже про-

бовала вызывать его при помощи свечи и зеркала. Она тщательно изучила все способы общения с умершими и этот оказался правильным. По крайней мере, в тех книгах, которые читала девушка, рекомендовали именно его. В первый раз не получилось, но сейчас Веронике казалось, что «стим» способен помочь ей услышать ушедшего Лешеньку. Хотя бы ненадолго! Хотя бы перекинуться парой фраз! Вновь услышать его голос! Вновь услышать, как сильно он ее любит!

Если бы Вероника внимательнее взглянула на свое отражение в зеркале, то, возможно, заинтересовалась странным золотистым блеском, появившимся в ее черных глазах, но все внимание девушки было приковано к фотографии и огоньку свечи.

– Лешенька, ответь.

Показалось, или...

Язычок пламени разбрасывал обманчивые тени, но окружающий мрак стал еще плотнее, а образы, появляющиеся в голове – реалистичными. Теперь они казались не плодом фантазии, но воспоминаниями. Стали отчетливыми, узнаваемыми и... они оживали.

Золотистый блеск разгорался сильнее. Он полностью поглотил радужную оболочку и теперь размывал ее границы, пытаясь добраться до белков.

– Лешенька. – У Вероники потекли слезы. – Лешенька, милый.

Каждая частичка ее пропитанного «стимом» тела жажда-

ла встречи с любимым. И не просто жаждала, могла это сделать! Переданная наркотиком энергия бурлила в жилах и подтверждала: возможно! Еще чуть-чуть... Вероника собрала в кулак всю свою волю.

– Лешенька...

Пламя свечи взорвалось, на мгновение охватив все зеркало, а затем холодная поверхность стекла наполнилась ровным золотистым светом, в котором медленно проявились контуры фигуры.

– Лешенька!

Он был возвышенно прекрасен. Его одежды свободно струились по телу, черные волосы были гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб, а за его спиной трепетали пышные перья белых крыльев.

– Лешенька, ты стал ангелом, – прошептала Вероника.

Его глаза ласково обежали девушку.

– Хочешь прикоснуться ко мне? – услышала она.

«Этого не может быть!» Жгучее желание захватило Веронику. Лешенька, чудесным образом явившийся к ней в зеркале, был воплощением мечты.

– Очень.

– Тогда протяни руку.

– Я боюсь, – тихо сказала девушка. – Я боюсь, что это сон.

– Ты звала – и я пришел.

– Я не могу поверить.

– Но ты любишь?

– Люблю.

– Тогда протяни руку.

Вероника чувствовала в себе новую, неведомую силу. Каждая клеточка ее тела дивно вибрировала, даруя удивительное, прекрасное ощущение могущества и наполняя душу колоссальной уверенностью. Казалось, стоит лишь захотеть, стоит собрать в кулак волю и любое желание будет исполнено!

– Надо просто захотеть.

Девушка с улыбкой посмотрела на друга, на ангела, окутанного золотистым сиянием:

– Я могу!

– Я знаю, любимая!

Ее рука проникла в черную поверхность зеркала и дотронулась до чего-то теплого, нежного, желанного.

* * *

*Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь
Москва, Ленинградский проспект, 30 июля, понедельник, 20:17*

– А что ты скажешь об этом всплеске? – поинтересовался Тамир, указывая на монитор.

Доминга, высокий нав, к которому обращался Тамир, молча подошел к столу и прищурил черные глаза:

– Ты специально ищешь самые слабые проявления маги-

ческой энергии?

– Ты сам поспорил, что сможешь определить, какое заклинание работает, только по показаниям монитора, – ухмыльнулся Тамир. – Девять случаев из десяти, и две сотни на кону. Один прокол у тебя уже был.

– Пospорил, поспорил, – проворчал нав, потирая виски. Доминга, опытный маг-предсказатель, и шас Тамир Кумар, специалист по теории вероятностей и математической логике, а также великолепный компьютерщик, составляли знаменитую пару «Ласвегас» – команду личных аналитиков комиссара Темного Двора. Двухъярусный кабинет в Цитадели, который они занимали, представлял собой удивительно запутанное сочетание компьютерной барахолки и антикварного склада. Многочисленные мониторы, серверы и системные блоки мирно уживались с бронзовыми конструкциями, ретортами, порошками в причудливых колбах и старинными манускриптами. «Ласвегасы» работали на сочетании магии и современных технологий и считались лучшими в Тайном Городе специалистами в этой области.

Сейчас они занимались в общем-то несвойственным для себя делом: маялись дурью со скуки. Доминга высказался в том смысле, что сможет без помощи «железа» вычислить, на какое заклинание расходуется магическая энергия в любой точке Тайного Города. При этом нав неосмотрительно не уточнил нижний предел мощности всплеска и Тамир, жаждущий проучить напарника, запустил сканер и тщательно

следил за всеми строящимися арканами, выдерживая для Доминги самые незначительные импульсы. Тотальное сканирование стоило дорого и использовалось крайне редко, в исключительных случаях, но в Темном Дворе не считали расходы «ласвегасов», и аналитики могли себе позволить легкое развлечение в качестве тренировки.

– Ну что? – Шасу надоело ждать. – Записываем прокол? Наличные у тебя с собой?

– Размечтался! – Доминга открыл глаза. – Кто-то решил скрасить вечерок и вызвал инкуба.

– Инкуба? – недоверчиво переспросил Тамир. – Кому нужны инкубы? Только энергию зря переводить!

Любвеобильные духи, временно обретающие плоть под действием несложного заклинания, пользовались большой популярностью в Средние века. В последнее время маги, как правило, предпочитали натуральных партнеров.

– Нельзя быть таким меркантильным, – покачал головой нав. – Во-первых, натурам, склонным к романтике, свойственно искать идеал, а когда таковой не находится, создание инкуба – единственно возможный выход.

– Тоже мне выход.

– Я же сказал, натурам, склонным к романтике. Тебе этого не понять. – Доминга потянулся. – А во-вторых, качественно вызванный инкуб имеет массу достоинств по сравнению с реальным любовником.

– Каких же?

– Например, не храпит после секса, – засмеялся нав. – Просто делает свое дело и растворяется.

– Много ты понимаешь в сексе, – проворчал шас. – Нет ничего более приятного, чем всхрапнуть часок после любви. Самый сладкий сон, между прочим, эрлийцы очень рекомендуют.

– Ты лучше проверь всплеск, герой-любовник, – предложил Доминга. – И деньги заодно приготовь.

– А чего их готовить, надо сначала проверить. – Тамир постучал по клавиатуре, запуская программу обработки магического импульса, увеличил мощность сканеров и тщательно разложил полученный с Гольяновской улицы сигнал. Стоимость энергии, которая ушла у шаса на эту хитрую операцию, в восемь раз превышала стоящую на кону сумму. Получив результат, Тамир пару секунд изучал таблицу, а потом вздохнул: – Ты прав, действительно инкуб.

– Никогда не спорь с навом на деньги, – поучительно произнес Доминга, бережно пряча в бумажник полученные от шаса купюры. – Тем более с навом-предсказателем.

– Знаю я твои предсказания. – Кумар побарабанил пальцами по столешнице. – Что это за идиотка живет на Гольяновской? Не могла нормального мужика в гости позвать?

– Какая разница? – махнул рукой Доминга. – Может, удвоим ставки?

...Он был напорист и робок. Он был агрессивен и нежен. Он был неутомим. Он был таким, каким Лешенька никогда не был. Он был таким, каким Вероника хотела Лешеньку видеть. Он был ее мечтой, ожившей мечтой. Он раз за разом выводил Веронику на пик блаженства. Он вдыхал ее сладкие стоны и дарил тепло. Он целовал ее губы и шею, он целовал ее волосы и плечи, он целовал ее руки и глаза. Ее прекрасные глаза, наполненные густым золотистым сиянием.

Он был мечтой.

Он не мог быть чем-то другим.

клуб «Ящеррица»

*Москва, Измайловский парк, 30 июля, понедельник,
22:48*

Отмечать возвращение Кортеса и Яны наемники отправились в клуб «Ящеррица», самое шумное и самое праздничное заведение Тайного Города. Если торговлю и финансы прочно держали в своих руках шасы, то вся сладкая жизнь: азартные игры, проституция и прочие милые развлечения, наполняющие наше существование подлинным смыс-

лом, – контролировалась концами, небольшой веселой семейкой, входящей в Великий Дом Люд. Невысокие, склонные к полноте, абсолютно лысые концы инстинктивно находили подходящее развлечение для представителя любой расы: одним предлагались карточные столы «Реактивной куропатки», другим – гурманское меню огромного ресторана «Для желудка», третьим – гладиаторские бои в «Красном Колледже», и даже отпетые меланхолики, склонные к маниакально-депрессивному психозу, охотно тратили деньги в баре «Угрюмая пауза», наслаждаясь суицидальными балладами осов. Законы шоу-бизнеса концы впитывали с молоком матери, но даже среди них управляющий клубом «Ящеррица» Птиций считался непревзойденным специалистом по организации экстравагантных и необычных шоу. Как и все концы, он обладал легким характером, неутомимым сексуальным аппетитом, обожал яркую одежду, драгоценности и, разумеется...

– А женщины там были? – жадно поинтересовался он. – Полинезийки? Такие, знаешь, губастенькие дикарки.

– Откуда женщины, Птиций? – улыбнулась Яна. – Это необитаемый атолл. Мы прилетели туда на гидросамолете.

– А где вы жили? В гамаках под пальмами?

– Там есть бунгало.

– С полинезийскими горничными?

– Никаких аборигенов. Только я и Кортес.

Птиций недоуменно покрутил круглой лысой головой:

– А кто вам заправлял постели? Кто готовил еду?

– Мы сами.

– Форменное безумие.

– Иногда горничные ужасно достают, – зевнул Артем.

Управляющий поправил ярко-красный галстук, приятно дисгармонирующий с нежно-голубой рубашкой и оливковым пиджаком, и бросил на Яну долгий взгляд: загорелая девушка, одетая в плотно облегающее подтянутую фигурку максимально открытое белое платье, выглядела необычайно соблазнительно.

– Яна, неужели ты настолько боишься конкуренции, что вынуждена прятать Кортеса на необитаемых островах?

– Мы ездили отдыхать, Птиций, а не развлекаться, – пояснил наемник, лаская в руках бокал с коньяком. – Но в любом случае конкуренции Яна не боится. – Он помолчал. – Я тоже.

– Не сомневаюсь. – Конец отвел взгляд от девушки и, звякнув многочисленными кольцами, поднялся из-за стола. – Приятно видеть, что вы, вернувшись из медвежьего угла, первым делом навестили мое скромное заведение. Если что-нибудь потребуется, я к вашим услугам.

И его невысокая пухлая фигурка растворилась в полутемном зале.

– Звук выключи, – пробубнил ему в спину Кортес, но было поздно.

Звуки, доносящиеся со сцены, были действительно своеобразными: в славящейся яркими шоу «Ящерице» шло вы-

ступление хора поющих химер «Каменные ноты». Несколько месяцев назад неугомонный Птиций, вечно изобретающий, чем удивить посетителей, взял в аренду у чудов два десятка истуканов помельче, пригласил толкового хормейстера и обучил уродцев стройно попискивать в такт музыке. Учтывая, что последний раз живые химеры появлялись в городе около двухсот лет назад, народ валом повалил в клуб, но первое выступление хора ознаменовалось конфузом: истуканы ужасно застеснялись, постоянно выпадали из ритма и если бы не развеселившие посетителей трепыхание декоративных каменных крыльев и жалобные ужимки, дебют можно было бы признать провальным. Птиций решил было преподнести трупку как комическую, но химеры неожиданно распелись, перестали теряться на сцене, а их необычайно высокие голоса нашли поклонников, обеспечивающих редким выступлениям уродцев полный аншлаг.

Кортес к числу любителей каменного писка не относился.

– Варьете сегодня предусмотрено? – недовольно поинтересовался он, поморщившись, когда солист хора взял особенно высокую ноту и компания рыжеволосых чудов за соседним столиком разразилась бурными аплодисментами.

– Варьете здесь предусмотрено всегда, – ответила Яна, потягивая коктейль. – Но оно не имеет ничего общего с искусством. Прислушайся, постарайся понять прекрасное.

– Надо было спросить у Птиция, где он хранит это прекрасное в перерывах между концертами, – проворчал Кор-

тес. – В подвале?

– Украшает ими парк вокруг «Ящеррицы», – рассмеялся Артем. – Химерам-то до лампочки, где стоять, а публике приятно – искусство.

– Не сомневаюсь, что ты поступил бы именно так, – протянула Инга.

Хрупкая, тоненькая девушка была отчаянно похожа на школьницу, непонятно каким образом попавшую в ночной клуб. Впечатление особенно усиливали заведенные за уши гладкие рыжие волосы и невинный взгляд темных, почти черных глаз, и в принципе оно было справедливым: Инге еще не исполнилось и двадцати. Но девушка являлась неплохим магом и даже успела поучаствовать в одной очень опасной и запутанной аванюре, из которой сумела выбраться лишь благодаря заступничеству наемников. Ее положение в команде было двойственным: с одной стороны, рыжая являлась подругой Артема, принимала участие в нескольких несложных операциях, но ничем особенным себя еще не проявила, и все понимали, что в глазах Кортеса Инга пока еще «свободный агент, периодически привлекаемый к выполнению контрактов». Не более.

Пищание со сцены усилилось.

– Может, поедем в «Три педали»? – предложил Кортес.

– Мне, кстати, тоже не нравятся эти, с позволения сказать, артисты, – прогудело за его спиной. – Позвольте присоединиться?

Рядом со столиком наемников, отгородив его от сцены, подобно Кавказскому хребту, появилась массивная, как пассажирский трамвай, фигура приставника. Косматая голова гиганта, поросшая длинными спутанными волосами и густой бородой, гордо возвышалась в восьми футах над полом, а длинные руки могли украсить собой экскаватор средней мощности.

– Христофан, – улыбнулся Кортес. – Рад тебя видеть.

– Взаимно, дружище, взаимно.

Приставник уселся на скрипнувший стул – наемникам пришлось слегка потесниться – и щелкнул толстыми пальцами, сухой треск напомнил пистолетный выстрел и на мгновение заглушил хор. Ожидавший знака официант немедленно выставил бутылку дорогого коньяка.

– Если вы не против, господа, хочу угостить вас лучшей выпивкой, которая нашлась в этом заведении. – Христофан ловко откупорил бутылку и разлил по бокалам янтарную жидкость. В воздухе поплыл чудный аромат выдержанного напитка. – Коньячку почти сто лет!

Артем удивленно кашлянул: их последняя встреча с приставником не давала оснований полагать, что он первым протянет наемникам руку. Скорее наоборот, Христофан вполне мог считать себя обиженным достаточно жестким поведением челов. Правда, то было давно.

– Выпьем и забудем все маленькие эпизоды, которые омрачали нашу дружбу! – провозгласил гигант и, отправив

коньяк в длительное путешествие по необъятному животу, удовлетворенно крикнул.

Кортес и Артем вежливо последовали его примеру, в отличие от девушек, которые, переглянувшись, не стали отказываться от выбранных ранее напитков. Впрочем, приставник сделал вид, что не заметил этого.

– Приятно вот так, с душевной теплотой и ненавязчивостью, обрести, казалось бы, давно утерянных друзей, – признался разглагольствовать гигант. – Вы не будете против, если я оплачу ваш ужин?

– Знаешь, Христофан, – пробурчал Кортес, – мы не будем против, если ты прямо скажешь, чего тебе от нас надо.

На фоне косматого здоровяка атлетические формы наемников потеряли большую часть внушительности, Кортес и Артем выглядели рядом с ним зелеными юнцами. А хрупкая Инга и вовсе стала похожа на хорошенькую куколку, которую Христофан зачем-то вытащил из кармана.

– Почему ты решил, что мне от вас чего-то надо? – немного обиженно поинтересовался приставник.

– Мама воспитала меня циничным, – признался Кортес. – Мне действительно было приятно, когда ты предложил забыть тот маленький эпизод, который омрачил нашу дружбу. И я с удовольствием забуду о нем. Но... – Наемник пошевелил пальцами и улыбнулся. – Ты плохой актер, Христофан.

– В самом деле? – уныло вздохнул гигант.

– В самом деле, – подтвердил Артем. – Колись, Христо-

фан, чего надо?

Приставник медленно обвел взглядом наемников, задержавшись на изящных антикварных сережках, украшавших уши Яны, и проворчал:

– Моя семья хочет предложить вам контракт. Очень хороший контракт. Ради того, чтобы вы взялись за это дело, мы приняли решение отойти от корпоративных правил и предложить вам суперплату!

– Это какую же? – поднял брови Артем.

– Любой клад по вашему выбору, – серьезно ответил Христофан. – Абсолютно любой.

Семейным бизнесом приставников, входящих в Великий Дом Людь, была охрана зарытых в землю кладов. За это им причитались десять процентов от спрятанных сокровищ, и косматые гиганты считались в Тайном Городе мужиками денежными. Но чтобы они пошли на нарушение собственных порядков! Суровые корпоративные правила запрещали приставникам распоряжаться кладами по своему усмотрению, и тем удивительнее было щедрое предложение Христофана. С другой стороны, наемники не страдали от отсутствия заказов. Чтобы заставить Кортеса отложить все свои дела и вплотную заняться новым контрактом, требовалось нечто большее, чем заурядные деньги, приставники это понимали, предложили, а значит, семья крайне заинтересована в участии наемников.

Первой установившуюся за столиком тишину нарушила

Инга:

– Ух ты!

– Гм, клад, – протянул Кортес, недовольно покосившись на рыжую, – знаю я ваши обещания. Сначала посулите груды сокровищ, а потом приведете к маленькой кубышке с серебряной мелочью и будете пыхтеть от гордости.

– Когда это мы приводили тебя к кубышке? – возмутился приставник. – Клад сам выберешь, какой пожелаешь! Мы тебе даже примерную оценочную стоимость подскажем.

– Во-во, оценочную, – не унимался Кортес. – А потом выяснится, что вы сами его и оценивали. На глазок. Знаешь, как я намучился с нашими предыдущими сокровищами?

– И как у тебя совести хватает об этом вспоминать?

Массивный кулак Христофана со всего размаху опустился на столешницу, вызвав легкое землетрясение в окрестностях: у меломанов за соседним столиком подпрыгнули тарелки, проходящий официант споткнулся, а завывающий на сцене солист сфальшивил. Но на Кортеса агрессия гиганта не произвела особого впечатления.

– А почему бы не вспомнить, если уж зашел разговор? – пожал плечами наемник. – Я ведь еле-еле те побрякушки пристроил, с трудом нашел идиота...

– Уж не меня ли ты имеешь в виду? – прищурилась Яна, на шею и пальцы которой Кортес и «пристраивал» извлеченные при посредстве приставника драгоценности.

Инга прыснула, Артем закусил губу и отвернулся, Кортес

понял, что увлекся.

– А в общем, ты прав, Христофан, – задумчиво проворковал он, дружески стукнув приставника кулаком в бок. – Чего ворошить прошлое? Мы ведь просто шутим.

Кортес жалобно посмотрел на Яну. Девушка демонстративно отвернулась.

– Чего только не скажешь, когда говоришь о деньгах...

В Тайном Городе открыто судачили о том, что в умении торговаться Кортес на голову превосходил даже прирожденных торговцев – шасов. Те особо не спорили, но указывали на то, что наемник слишком много времени проводит с известными своей жадностью навами, а челы вообще быстро учатся. Особенно плохому.

Гигант крикнул, покрутил косматой головой, налил себе еще коньяку и грустно вздохнул:

– Не были бы вы лучшими наемниками, никогда бы к вам не обратился.

И в подтверждении его слова, янтарная жидкость радостно провалилась в глубокую глотку.

– Не были бы мы лучшими, мы бы себя так не вели, – рассудительно заметил Кортес. – Так в чем проблема, Христофан?

– То есть вы согласны?

– Не делай вид, что искренне считаешь нас идиотами, – вставил свое слово Артем. – Мы можем обидеться.

– Мы не возьмемся за контракт, пока не узнаем, в чем он

закljučается, – закончила Яна. – Ни за какие деньги.

– Совсем ни за какие?

– В чем проблема, Христофан? – повторил Кортес.

Приставник погладил косматую бороду, вытащил из кармана черную пирамидку оберега Темного Двора и повернул ее вокруг основания. Теперь столик наемников был абсолютно защищен от любых методов прослушивания, включая даже чтение по губам – навы давали полную гарантию на свои артефакты.

– Вы когда-нибудь слышали об Этнических Яйцах?

Наемники отрицательно покачали головами.

– Поразительная безграмотность, – вздохнул Христофан. – А фамилия Фаберже вам о чем-нибудь говорит?

– Говорит, говорит, – кивнул Кортес. – Ты решил открыть ювелирный магазин?

– Не в этом дело... – Приставник задумчиво повертел в руках пустой стакан и отставил его в сторону. – В позапрошлом веке Карл Фаберже был очень знаменит...

– Он и в этом веке ценится.

– Я знаю. – Христофан пожевал губами, отчего густая копна волос на его подбородке пришла в движение. – Все работы Фаберже наперечет. Оно и понятно – гений ведь! Но об одной его коллекции мало кто слышал...

– Этнические Яйца. – Артем налил себе сок. – Странное название.

– Зато точное. – Приставник, недовольный тем, что его пе-

ребили, стрельнул в наемника глазами. – Это пасхальные яйца, сделанные из белого золота и украшенные драгоценными камнями. Их шесть, по числу континентов. Внутри каждого яйца находится символическая фигурка жителя континента негр, китаец, индеец...

– С названием понятно. – На этот раз несчастного гиганта перебил Кортес. – Чем они ценны? Помимо того, что их делал Фаберже?

Христофан упрямо засопел:

– Фигурки выполнены с замечательным мастерством, даже одеты в соответствующие одежды, отражающие...

– Фотографии этих штучек, будет вполне достаточно. – Кортес был настроен на деловой лад, хотя, возможно, его просто раздражало непрекращающееся пицание химер.

– Фотографий нет, – буркнул приставник, – поэтому и описываю так тщательно. – Он налил себе еще коньяку и выпил. – Эх, челы, челы, понимания в вас нет. Один голый расчет. А ведь тут искусство! Красота неопиcуемая и сделано гениально! Вы все на деньги меряете, а ведь такими вещами наслаждаться надо! Фигурки эти как живые! Чуть не дышат!

– Здорово, – прошептала Инга. – Сколько они стоят?

– Один клад, – так же негромко ответил Артем. – Один любой клад, независимо от его стоимости.

– Мне довелось видеть Этнические Яйца – прелесть необычайная, – нежно продолжил гигант. – Поэтому я и хочу собрать у себя все шесть штук.

– Из любви к искусству, – с улыбкой обронил Кортес.

– К великому искусству, – поправил Христофан наемника. – Ты, чел, еще гордиться должен тем, что творения твоего соплеменника высоко ценятся среди представителей разумных рас.

– Почему о коллекции мало кто знает? – осведомилась Яна.

– Карл Фаберже делал ее для частного лица, – скупно ответил приставник. – И клиент запретил ювелиру упоминать об этом заказе где бы то ни было.

– Христофан, – вздохнул Кортес, – я тебе уже говорил сегодня, что ты отвратительный актер?

– Ты говорил, что я плохой актер.

– Это то же самое, – махнул рукой наемник. – Врать ты не умеешь.

– Почему?

– Откуда мне знать? – рассмеялся Кортес. – Ты уже проговорился, что нас хочет нанять семья. Вряд ли все приставники так озаботились твоим отношением к великому искусству.

– Все знают, что корпоративные правила запрещают вам раздавать клады направо-налево, – вклинился в разговор Артем. – И вдруг ты приходишь, просишь найти шесть заурядных побрякушек, которых у вас в каждом сундуке сотни, и с легкостью предлагаешь за них любой клад.

– И при этом еще смеешься над разумом челов, – поддак-

нула Инга.

– Ну, это мелочи, – великодушно улыбнулся Кортес. – Не сходится, Христофан, ты запутался, но это только подогревает мой интерес. Зачем нужны Этнические Яйца?

– А тебе не все равно? – насупился приставник. – Я хороший контракт предлагаю, чего ты в душу лезешь?

– Мы уже говорили, что не беремся за работу до тех пор, пока не будем полностью уверены в ситуации, – спокойно ответил Кортес. – Как ты понимаешь, Христофан, мы можем себе позволить не бросаться за каждой костью, которую нам предлагают. Во многом благодаря этому, – наемник веско поднял указательный палец, – мы всегда выполняем контракты.

– И поэтому ты лучший.

– Мы лучшие, – поправил приставника Кортес. – Мы – команда. И если ты хочешь сотрудничать с нами, то расскажи, пожалуйста, правду.

– Правду... – Христофан тоскливо оглядел челов, вздохнул и сжал громадный кулак. – Это корпоративная тайна. Вы готовы официально подписаться под ее неразглашением?

– Христофан, – устало пробурчал Кортес, – ты же знаешь, что официальная подпись может появиться только в случае заключения контракта, а мы пока лишь обсуждаем эту возможность. Максимум, на что ты можешь рассчитывать, – наше слово, что все, сказанное тобой, останется между нами. Мы заботимся о своей репутации.

Приставник снова оглядел наемников и решил:

– Этнические Яйца – это часть сборного артефакта. Есть еще Рунный Атлас, но что это такое, никто не знает. Собранные вместе и расставленные в правильном порядке Яйца укажут на Рунном Атласе все клады, когда-либо зарытые в землю.

– Оп-па! – снова не удержалась Инга и удостоилась от Кортеса очередного недовольного взгляда.

– Карл Фаберже был не просто талантливый ювелир, – продолжил Христофан. – Он был настоящий гений. Может, он был магом, я не знаю, но он не просто работал, он чувствовал душу золота, душу камней. Его произведения – сказка, и только он мог сделать Этнические Яйца. Только его гений мог заставить Землю рассказать обо всех сокрытых в ней сокровищах. К счастью, мы успели узнать об этой работе и предприняли меры, чтобы последнее Яйцо не досталось заказчику.

– Кто заказал Фаберже коллекцию? – тихо спросил Кортес.

Приставник молчал. Судя по всему, в этом-то и заключалась главная опасность контракта, и наемник нахмурился:

– Христофан, кто из Тайного Города догадался использовать талант Карла Фаберже?

– Старая сволочь Томба, Юрбек Томба, – нехотя буркнул приставник. – Спящий еще накажет его за такую жадность.

Кортес хрюкнул, Яна разочарованно присвистнула и отки-

нулась на спинку стула, Артем цокнул языком, и только Инга, облизнув тонкие губы, молча прищурила темные глаза.

Юрбек Томба занимал пост одного из директоров Торговой Гильдии, и трогать его было чревато большими неприятностями: за спинами шасов стоял грозный Темный Двор. Теперь стало понятно, почему Христофан обратился именно к Кортесу – наемник дружил с навами, и только он мог рискнуть пойти против Юрбека.

– Не понимаю, зачем вам контракт с наемниками, – после затянувшейся паузы произнес Кортес. – Артефакт подрывает ваш семейный бизнес, и Великие Дома этого не допустят. Если есть доказательства, надо обратиться к людям или в Темный Двор, они как следует прижмут Юрбека, и он еще извиняться будет. Вопрос не стоит таких расходов.

– У нас нет доказательств, – грустно признался Христофан.

– А шестое Яйцо?

– У нас... мы... оно... – На приставника было жалко смотреть. – Мы его потеряли. Когда воров... гм... забирали его. Мы... в общем, мы не сами этим занимались...

Пару секунд Кортес изумленно смотрел на Христофана, явно раздумывая, не стоит ли ему засмеяться, но сдержался и ограничился лишь тем, что многозначительно покашлял.

Несмотря на внушительные габариты и колоссальную физическую силу, недалекие и добродушные приставники были совершенно не приспособлены к агрессивным действиям,

предпочитая в случае необходимости обращаться к Великим Домам или наемникам. Видимо, в тот раз их крепко надули.

– Вы знаете, где шестое Яйцо?

– Нет, – покачал головой гигант. – Воришка как сквозь землю провалился, но мы твердо уверены в том, что он не продал его Юрбеку.

– Что было дальше?

– Томба был очень недоволен потерей шестого Яйца, – вернулся к своему грустному повествованию Христофан, – но поправить что-либо было не в его силах: Яйца изготавливались единой коллекцией и заменить одно невозможно – нужно переделывать все, а Карл Фаберже вскоре после их создания умер.

– И вы вздохнули спокойно.

– Относительно. – Приставник почесал косматую бороду. – Мы предложили Юрбеку выкупить Яйца, но прохиндей потребовал такую плату, что корпорация стала подумывать о том, что его дешевле убить.

На этот раз Кортес не удержался от смеха:

– Сколько он захотел?

– Полпроцента от наших доходов.

– Какой молодец, – одобрила Яна.

– Мы долго торговались, а потом у челов случился переворот. – Христофан снова взялся за стакан. – Об этом вы должны помнить, в одна тысяча девятьсот семнадцатом. У Юрбека сожгли пару домов, и он потерял оставшуюся часть

коллекции.

– Это уже лучше, – пробормотал Артем, молодому наемнику не очень хотелось связываться с шасом.

– Мы тоже так думали, – поспешил разочаровать его Христофан, – но Юрбек не унимался и начал поиски похищенного. Неделю назад мы узнали, что он приобрел одно из Яиц на аукционе Кристи.

– Всего одно, – усмехнулся Кортес.

– Еще три он заполучил в последние двадцать лет, – вздохнул Христофан и выпил. – Мы сумели узнать об этом из очень достоверных источников.

– Наябедничайте Великим Домам, – предложила Яна.

– Никто не будет обыскивать квартиру Томбы без веских оснований, – вздохнул Артем. – Он вассал Темного Двора, и навы не позволят его трогать.

Инга задумчиво потянулась за долькой ананаса и снова промолчала.

– Значит, у Юрбека четыре Этнических Яйца, – подвел нехитрый итог Кортес. – Осталось вычислить местонахождение еще двух.

– Видишь, как все несложно! – обрадованно подхватил приставник. – Я даже могу сказать, где находится одно из них! Вам надо только забрать его!

– Где? – немедленно поинтересовалась Инга.

– В Оружейной палате, – машинально ответил Христофан и тут же прикусил язык.

Лица наемников снова вытянулись.

Московский Кремль и прилегающие к нему набережную, Красную площадь и Александровский сад в Тайном Городе называли зоной Кадаф, и по соглашению между Великими Домами использование там магии было строжайше запрещено. Артем никогда не задумывался, из-за чего было введено это правило, но знал, что эту территорию постоянно контролировали боевые маги Великих Домов, имеющие приказ на уничтожение любого нарушителя запрета. Поэтому, для того чтобы похитить Яйцо из Оружейной палаты, можно было использовать лишь обычные воровские приспособления и вероятность удачного исхода подобного визита в тщательно охраняемую ФСБ резиденцию президента страны была крайне невысокой.

– Христофан, – произнес Кортес после небольшой паузы, – давай сделаем выводы?

– Давай, – кивнул окончательно погрузневший приставник.

– Ты предлагаешь нам контракт, который подразумевает следующее... – Чтобы быть более понятным, наемник, перечисляя пункты, стал загибать пальцы. – Первое: обокрасть известного и уважаемого шаса и поссориться с Темным Двором.

– Да.

– Второе: выкрасть ценный предмет из Оружейной палаты, что, при невозможности использования магии, очень и

очень непросто.

– Да, – снова подтвердил приставник.

– Третье. Надо найти последнее, шестое Этническое Яйцо, о котором никто не слышал с прошлого века, и Рунный Атлас, о котором вообще никто ничего не слышал. Я все перечислил?

– Да, – прогудел Христофан. – И за все это мы предлагаем целое состояние.

– Любой клад... – зачарованно прошептала Инга.

Кортес внимательно посмотрел на рыжую, насупился, но опять ничего не сказал и повернулся к приставнику:

– Увы, Христофан, я вынужден отказаться от твоего щедрого предложения.

– Не хочешь связываться с шасами?

– Не хочу, – признал Кортес. – Они мои друзья.

– Я могу рассчитывать на ваше молчание? – угрюмо спросил приставник.

– Разумеется. Все, что ты сказал, останется строго между нами.

Христофан кивнул, отключил оберег Темного Двора и молча поднялся из-за стола.

* * *

складской комплекс компании «ЦентрМедПереработка»

Москва, Проектируемый проезд, 30 июля, понедельник, 23:33

Витек оторвался от тарелки и посмотрел на сокамерника.

– Васильевич, а Васильевич, ты бы покушал, а?

– Не хочу, – еле слышно пробурчал самый старый из подопытных Монастырева.

Вот уже четыре часа со времени последнего укола он неподвижно лежал на койке, уткнувшись носом в стену, не среагировав даже на выданный ужин.

– Ты ведь ничего не ел! – удивился Витек.

– А тебе лишь бы жрать, – разозлился третий обитатель камеры, невысокий и одутловатый Хомяк. – Куда только все девается?

Несмотря на превосходный аппетит, Витек оставался тощим, как вобла, и серый комбинезон болтался на нем, словно на вешалке.

– Это я впрок наедаюсь, – объяснил он, приканчивая порцию. – Поголодали бы с мое... Васильевич, можно, я твою порцию съем?

– Ешь, – так же тихо ответил старик.

– Мы свое поголодали, – буркнул Хомяк. – Не тебе рассказывать, молокосос.

– Тогда чего спрашиваешь? – Витек придвинул к себе тарелку старика, но есть не стал, а закурил и сыто рыгнул. – Я вот вообще не понимаю, чего вы боитесь? Чего ноете? Одежи, помыли, кормят от пуза, да еще ханку вкалывают – жи-

туха!

– Житуха! – передразнил молодого бродягу Хомяк. – А что тебе за ханку вкалывают, ты спрашивал? А что с тобой потом будет, когда они эту ханку проверят?

Васильевич глухо застонал.

– Да ничего не будет, – махнул рукой Витек. – Отпустят с миром, и все. Опять на вокзал вернемся. А может, еще и денег дадут.

– Чего бы это им тебе денег давать?

– А почему нет? – удивился Витек. – Ты, Хомяк, знаешь, где мы находимся? Куда нас привезли? – Бродяга покачал головой. – Вот и я не знаю. Так чего им бояться? Ханку свою проверят и выбросят нас на все четыре стороны.

– Твоими бы устами мед пить, – после паузы проворчал Хомяк.

– Наливай, выпью! – Витек довольно захохотал, затушил сигарету и взял в руку ложку. – Васильевич, последний раз спрашиваю, есть будешь? Слышишь?

Мужчина застонал и перевернулся на спину. Хомяк вздрогнул, у Витька удивленно отвисла челюсть:

– Васильевич, ты чего сотворил?

В воздухе над головой старика плавал маленький золотой шарик.

Глава 3

«Алир Кумар в Москве! Всемирно известный художник и скульптор остался верен своему обещанию устраивать премьерные показы новых работ исключительно на Родине и послезавтра в Манеже открывается его персональная выставка. Как обычно, помимо российских ценителей искусства, выставку собираются посетить многочисленные коллекционеры со всего мира...»

(«Известия»)

«Алир Кумар, гордость семьи Шась, наконец-то покинул флорентийскую мастерскую, чтобы лично представить на московской выставке новые работы. По этому случаю Торговая Гильдия устраивает грандиозный прием в честь, на который соберутся...»

(«Тиградком»)

*** * ***

муниципальный жилой дом

Москва, улица Гольяновская, 31 июля, вторник, 11:00

По своим меркам Вероника проснулась довольно рано, в одиннадцать утра. В другие дни, когда не требовалось идти в институт и не было никаких дел, она позволяла себе спать до

полудня, а то и дольше, тем более после такой бурной ночи. Но сегодня этого не произошло и виной тому была именно бурная ночь, точнее, то прекрасное настроение, с которым девушка провалилась в сон. Счастливая, утомленная, Вероника готова была петь от радости: Лешенька, ее Лешенька снова был рядом! Ласкал с прежней страстью, с невероятной неутомимостью, раз за разом приводя ее к восхитительному взрыву чувств. Она сумела обмануть смерть! Она сумела вернуть любимого и ничто в мире больше не сможет их разлучить!

Не открывая глаз, девушка блаженно потянулась, попробовала прижаться к телу Лешеньки, которое должно было находиться слева... И едва не свалилась с кровати – рядом с ней никого не оказалось!

Вероника резко распахнула глаза и привстала.

Никого!

«Не может быть!» – Девушка растерянно провела рукой по смятой подушке.

Вероника отчетливо помнила, как засыпала в крепких объятиях Лешеньки, чувствуя его знакомое дыхание, наслаждаясь запахом его родного тела и ощущая бурлящую в нем силу. Лешенька был готов продолжать любить ее и дальше, никогда раньше он не был столь ненасытен...

«Неужели это был сон? – Вероника готова была разрыдаться от обиды и разочарования. – Нет!»

Пятна на простыне грубо, с откровенной пошлостью на-

мекали на то, что визит умершего друга не был плодом фантазии. Лешенька был здесь, любил ее и постельное белье еще хранило запах его тела. Девушка понюхала наволочку, обхватила подушку руками, прижала к себе и, сидя в таком положении на кровати, задумалась.

«Что произошло? Что, черт возьми, произошло? Я приняла «стим» и попыталась вызвать дух Лешеньки при помощи свечи и зеркала. И он пришел».

В памяти всплыла окутанная золотистым сиянием фигура, спокойно проходящая через холодное стекло. Это не могло быть сном. Пятна на простыне не могли взяться из ниоткуда.

Рассеянный взгляд Вероники остановился на полке с книгами. Блаватская, Кроули... В свое время она прочла их все, даже обсуждала с Лешенькой, но в глубине души девушка никогда не верила ни одному написанному в них слову. Магия, колдовство, гадания-предсказания... после гибели друга Вероника попыталась применить перечисленные в книгах «заклинания» и «обряды», но безрезультатно. Тщательно нарисованные круги и пентаграммы оставались пусты, «могущественные» амулеты бессмысленно пылились в шкафу, а пение «древних» гимнов вызывало головную боль. Даже когда девушка увлеклась ЛСД и всюю «клеила марки», ей приходилось видеть гораздо более реалистичные чудеса, чем после использования этой «магии». Но то была реакция на психоделики, плод воображения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.